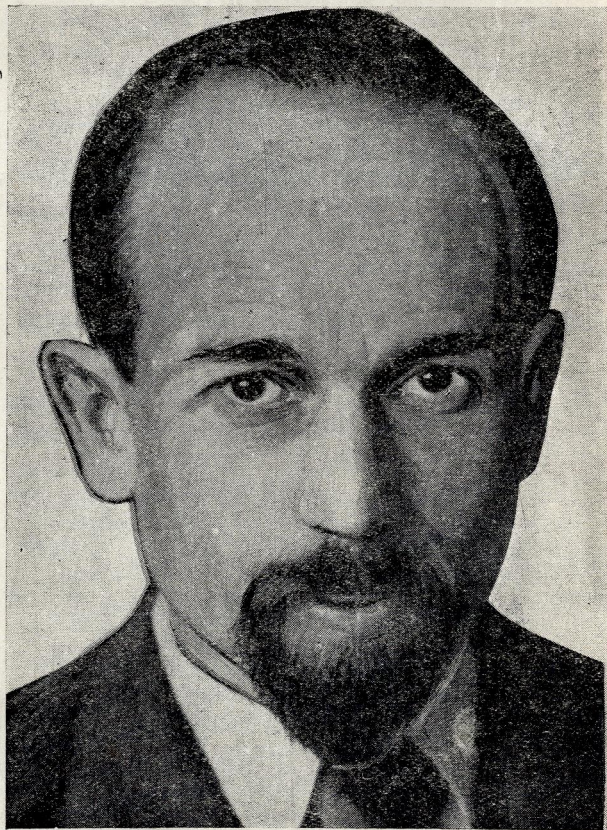

~~4474~~

И. Ю. КУЛИК

**ДОКЛАД НА ПЕРВОМ
ВСЕУКРАИНСКОМ СЪЕЗДЕ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

17

6610

~~37076~~

И. Ю. КУЛИК

ДОКЛАД
НА ПЕРВОМ ВСЕУКРАИНСКОМ
СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

~~2584~~

(37076)

30.

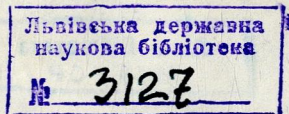
письмо № 637 с Тл. УССР
от 8 XII - 58г.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

„РАДЯНСЬКА ЛІТЕРАТУРА“
ХАРЬКОВ 1934

8(c)Y(09)(063)

W5(2-Ya/H-3

Редактор М. Агуф.
Оформление Я. Руденский.
Корректор Б. Любаровская.

Моя задача в значительной мере облегчена вчерашними выступлениями, прежде всего — тов. Попова, представителя ЦК партии, который в своей развернутой глубокой речи дал нам анализ и теперешнего политического положения, в условиях которого созывается этот съезд, и наметил задачи дальнейшего развития советской литературы на Украине.

Равным образом, товарищи, основные творческие вопросы были поставлены в выступлении тов. Юдина, а мы ведь знаем, что эти творческие вопросы являются общими для всей советской литературы, сохраняя свою специфичность в литературе каждой республики или каждого в отдельности народа СССР.

Тов. Затонский в своем выступлении остановился на определенной области советской литературы, отстающей у нас, — на детской литературе; другие товарищи отчасти также исчерпали те вопросы, о которых я собирался говорить.

Но, товарищи, все эти выступления и сами обстоятельства, в которых открылся вчера наш съезд, свидетельствуют о том, насколько это важное и значительное политическое событие. Мы не преувеличим, если скажем, что эта полоса съездов — и всесоюзный съезд писателей, и республиканские съезды, в том числе наш — представляют собой событие исторического значения исторической важности.

В чем состоит это историческое значение нынешних съездов? Прежде всего, товарищи, в том, что республиканские и всесоюзный съезды советских писателей заключают собой подготовительный период к созданию единого союза советских писателей, единого союза, предусмотренного постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

Это постановление означало собой решительную и основательную перестройку всей работы литературно - художественных организаций, а следовательно и всего дальнейшего развития литературы и искусства в Советском Союзе. Это постановление и предусмотренная им перестройка имели целью полностью обеспечить осу-

ществование линии партии в художественной литературе.

Я, товарищи, еще раз процитирую слов тов. Кагановича на XVII съезде ВКП(б) об этом постановлении. Говоря о значении организационного вопроса для партийной работы, т. Каганович среди прочих примеров привел и такой:

«Приведу пример из наименее, казалось бы, оперативной области—из области литературы. Что тут сделал ЦК?... Можно было бы, конечно, вынести большую резолюцию о задачах коммунистов в литературе, можно было бы предложить рапповцам изменить свой курс. Но это могло остаться благим пожеланием. Тов. Сталин поставил вопрос по-иному: надо,—говорил он,—организационно изменить положение. И вот тогда был поставлен вопрос о ликвидации РАПП, о создании единого союза писателей. После этого организационного решения писательские силы поднялись, развились и дело в литературе улучшается. Решением организационного вопроса было, таким образом, обеспечено правильное проведение линии партии в литературе».

Это, товарищи, бесспорно, показательный образец того ленинского, сталинского стиля в работе

нашей партии, ее ЦК, который умеет всегда учитывать то специфическое, что составляет в данной определенной области основное звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь, чтобы обеспечить в данной области строительства осуществление линии нашей партии.

А чем не обеспечивалось проведение линии партии при старых организационных формах, — об этом говорило само постановление ЦК от 23 апреля 1932 года. Не лишнее напомнить его содержание. С одной стороны, в нем отмечалось, что уже успели вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники на заводах, фабриках, колхозах; но, с другой стороны, подчеркивалось, что рамки существующих пролетарских литературно - художественных организаций становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. И это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из способа наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг социалистического строительства в способ кружковой замкнутости, отрыва от политических за-

дач современности. Итак, товарищи, в основании этого постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля стоял тот же вопрос, и там линия партии сводилась прежде всего к наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства.

Способствовали ли такой наибольшей мобилизации писателей и художников вокруг задач социалистического строительства сектантство и замкнутость РАПП'а и других пролетарских литературных и художественных организаций, существовавших тогда? Способствовало ли этому наличие большого числа организаций, которые грызлись между собой, развивали групповщину и недоразумения, усложняли процесс партийного руководства литературой?

Коммунистические силы приходилось расплывать между несколькими организациями, были и организации, в которые коммунисты совсем не входили, тогда как немало беспартийных писателей, входивших в эти организации, бесспорно, можно было включить в социалистическое строительство, если бы партийное руководство стояло к ним ближе, если бы создать для этого соот-

ветствующие условия. Наконец, лозунги вроде «союзник или враг», выдвигавшиеся РАПП'ом, никак не могли способствовать объединению значительных групп писателей и художников, сочувствовавших социалистическому строительству, но бывших оттертыми от участия в нем. В постановлении от 23 апреля мы видим последовательное развитие 5 - го пункта известных шести условий тов. Сталина, а именно, — о более близком привлечении технических сил квалифицированной интеллигенции, сочувствующих социалистическому строительству, поддерживающих советскую власть, желающих принимать участие в социалистическом строительстве.

Бесспорно, постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля было последовательным выводом из всей предыдущей политики нашей партии. Этим постановлением была расширена база работы литературно - художественных организаций, нанесен был удар предыдущим недостаткам и изъянам тех литературных организаций, которые существовали ранее — сектантству, группировщине, замкнутости литературно - художественных организаций. Созданы были все условия для широ-

кого вовлечения в процесс создания советской литературы кадров беспартийной советской интеллигенции, обеспечено было укрепление сил пролетарской литературы.

Таким образом, наш съезд является ясным показателем победы генеральной линии нашей партии и ленинского ЦК, гениального Сталина, сумевшего найти как раз такие организационные формы, которые обеспечивают поднятие развития художественной литературы и всего искусства на высший уровень, превращение их в подлинно советские, обеспечивают то, чтобы они служили строительству социализма. При чем преимущество этих организационных форм состоит в том, что тут нет того, против чего в свое время предостерегал Ленин и что имел в виду тов. Каганович, когда говорил, что литература — это «наименее, казалось бы, оперативная область». Ленин в свое время писал, что мы далеки от мысли проповедывать какую-нибудь однообразную систему организации литературы, что о схематизме в этой области меньше всего может быть речь. В постановлении от 23 апреля 1932 года мы никоим образом не можем найти схема-

тизма; напротив, именно за попытки схематически решать политические, литературные, организационные вопросы, за попытку «оказывать» это дело ЦК неоднократно бил РАПП, призывал его к порядку и, наконец, распустил. С одной стороны, не должно быть казенной схемы, но, с другой стороны, не должно быть и хаоса в этом деле. Об этом тоже говорил Ленин. Сошлюсь на воспоминания Клары Цеткин, приводящей такие слова Ленина:

«Но, понятно, мы, коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки... мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Цель такого планирования процесса сводилась к тому, что литература должна стать частью того общепролетарского дела, которым руководит партия. Именно для этого была создана коммунистическая группа в составе Оргкомитета, долженствующая обеспечить осуществление партруководства внутри союза советских писателей и Оргкомитета, который теперь перед вами отчитывается.

Первый всеукраинский съезд советских писателей, проходящий под знаком осуществления

постановлений XII съезда КП(б)У, XVII съезда ВКП(б), — это, бесспорно, значительный этап в победном процессе социалистического строительства Украины, это решительный удар по всем врагам нашим, по оппортунистам, по всем тем, кто пытался срывать или ставить под сомнение генеральную линию нашей большевистской партии, кто не верил в силу нашей партии, кто мечтает направить развитие украинской художественной литературы на пути, отличные от тех, которыми ведет нас наша партия.

Этот съезд — один из результатов неуклонного осуществления ленинской национальной политики нашей партии, один из результатов работы ЦК КП(б)У, это один из результатов братской интернациональной связи со всем СССР, с русским пролетариатом, с русской литературой в частности. Осуществление ленинской национальной политики должно сводиться не исключительно к вопросам школы, языка и культуры в узком смысле слова. В свое время тов. Сталин на XII съезде РКП(б) говорил, что

« . тут школами и языком не отговоришься... необходимо, чтобы, кроме школ и языка, рос-

сийский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках... были устроены очаги промышленности».

И, товарищи, все развитие всего нашего социалистического союза, каждой республики в отдельности, под руководством гениального вождя нашего Сталина, в частности все развитие Советской Украины за последнее время свидетельствует именно о том, что русский пролетариат, под руководством коммунистической партии большевиков, выполняет свое назначение, принимает все меры, о которых говорил тов. Сталин. Объединенными усилиями пролетариата СССР Советская Украина превращается с каждым днем во все более значительный, могучий, мощный центр социалистической индустрии. Здесь вырастают с каждым днем новые гиганты нашей социалистической промышленности, вырастают социалистические города, превращаясь в сады. Конечно, можно было бы и не ссылаться на мнение Карин Михаэлис, датской писательницы, приезжавшей в Харьков, но подобные мысли высказывает почти каждый иностранец,

приезжающий в нашу страну, в частности в Харьков. Вспомните, как Эррио поразился, увидев Харьков, и потом писал, что в области коммунального строительства Харьков произвел на него наибольшее впечатление в сравнении с тем, что он видел в других городах. Карин Михаэлис, как женщина, очевидно, эмоциональная, немного лирически настроенная, поставила «5 с двумя плюсами» по пятибалльной системе за состояние Харькова. Однако, товарищи, перерождение Харькова — это только один из фактов единого могучего процесса осуществления ленинской национальной политики в СССР.

Я говорил, что эта политика сводится не исключительно к языку, школам, к культуре в узком смысле, но мы не можем не отмечать того, что и в области нацкультстроительства за последнее время, именно за последние годы, у нас особенно значительные успехи, колоссальные достижения. Я не стану вам приводить всем известных цифр о развитии промышленности, о постройке гигантов Днепрогэса, Азовстали, ХТЗ, Краммашстроя, о коллективизации, о превращении нашего сельского

хозяйства в социалистическое; приведу только некоторые цифры по нацкультстроительству. Я напому вам те цифры, которые в свое время, на объединенном ноябрьском пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У, приводил тов. Косиор. Он, сравнивая с 1928 годом, говорил, что общее число газет на Украине (без многотиражек) выросло в 5 раз, при чем 80% из них выходят на украинском языке. Тиражи их такие колоссальные, какие никогда не могли и сниться раньше. Если тираж газет (кроме многотиражек) достигает почти 4 миллионов экземпляров — это значит, что 3.600.000 экземпляров газет на Украине выходят ежедневно на украинском языке. Конечно, мечтать об этом ни при каких иных условиях и ни при каких иных режимах не приходилось.

Культурные потребности, как результат осуществления ленинской национальной политики, настолько возрастают, что эти тиражи уже не удовлетворяют требований трудящегося населения УССР. Тов. Косиор говорил, что в 1928 г. выходило 110 районных газет, в 1932 — 425 и 434 политотдельские газеты. Очень

значителен, кроме того, тираж самих многотиражек. Далее, товарищи, издание украинских книг (это непосредственно имеет к нам отношение): скажем, в 1913 году на украинском языке издано 176 названий, в 1932 году — 5200 названий. Рядом с этим растет литература национальных меньшинств — еврейская, польская и немецкая. Еврейской литературы издано в 4 раза больше, чем до революции, польской — в 3 раза больше, немецкой — в 2 раза больше и т. д. Эти цифры я повторяю потому, что они приводились в ноябре 1933 года, а уже в январе 1934 года, когда 1933 год закончился, мы могли бы увидеть разницу в цифрах и показатели роста даже за эти два месяца, истекшие после ноябрьского пленума.

Вот цифры из доклада тов. Постышева на XII съезде КП(б)У: газет уже не 425, а 440, политотдельских газет не 434, а 700. Книжная продукция от 38 миллионов экземпляров дошла до 75 миллионов экземпляров. Это и еще целый ряд фактов, которые придется привести далее, — все свидетельствует о том не только неуклонном, твердом, упорном, но и необычно-

венно быстрыми темпами осуществляемом процессе роста национально-культурного строительства в УССР.

Теперь мы особенно ясно, как никогда, ощущаем и понимаем, что всего этого мы достигли и могли достигнуть только в союзе, в непосредственной связи с пролетариатом всего Советского Союза, с пролетариатом Советской России, в первую очередь, и что эта связь, под руководством коммунистической партии большевиков, и обеспечила свободное развитие Советской Украины в составе великого Союза. УССР, составляющая неразрывную часть великого Союза советских социалистических республик, превратилась из угнетенной колонии царизма в передовую, экономически развитую, свободную страну.

В этой стране развивалась, вырастала своя литература, советская литература. Развивалась она и крепла под руководством коммунистической партии большевиков, развивалась она в боях против тех, кто пытался сбить развитие художественной литературы с путей, которые показывала партия, кто пытался сбить ее на

путь национализма, либо великодержавного русского, либо местного украинского. Ибо мы превосходно понимаем, что всякая попытка противопоставлять украинскую литературу русской, попытка оторвать одну от другой всегда преследует одну политическую цель — оторвать Советскую Украину от Советского Союза. Все эти попытки были по существу направлены на то, чтобы превратить Украину в колонию иностранного империализма.

Классовые враги, иностранные империалисты, их агентура внутри страны, их прямые помощники — национал - уклонисты, те, что были представителями шумскизма, хвylieвизма в свое время, националистического уклона Скрыпника, стремились уничтожить все колоссальные достижения социалистического строительства, в частности приобретения социалистической литературы. Целью их было, в лучшем случае привести нас в такое состояние, какое, скажем, переживает литература на Западной Украине, под сапогом иностранных оккупантов, фашистов, в состоянии буржуазной эмигрантской украинской литературы.

Несколько слов о состоянии этой западно-украинской буржуазной литературы и о том, что создают эмигранты из Советской Украины, которых наши массы рабочих и крестьян выбросили за границы СССР на свалки капиталистических стран, где они, догнивая, пытаются смрадом своего гниения отравлять и наше существование.

Что нового и интересного появилось за последние годы в заграничной украинской литературе? Я не говорю о тех ростках пролетарской литературы, которые там есть, о революционных писателях, которые есть и на Западной Украине,— в Галиции, на Закарпатской Украине, в Буковине, в американской рабочей эмиграции: они ориентируются на нашу советскую литературу и все свои надежды возлагают на нас. Посмотрим, что дали желто-блакитные «спасители» Украины, те, которые еще недавно претендовали на право вершить судьбы Советской Украины. Вот известный мастер двурушничества, лжи и измены В. Винниченко. Из его последних произведений нам известна его «Нова заповідь». В этом произведении Вин-

виченко продолжает пережевывать свою старую заповедь о «честности с собой», старую свою заповедь о том, что предательство, продажность, ложь — все это допустимо, все это вполне нормально, если это направлено против революционного движения, против коммунистов, против пролетариата. В этой «Новій заповіді» выводится миллионер Стовер, у которого якобы «не расходится слово с делом», который проповедует «единство слова и дела», т. е. ту же «честность с собой». Выводятся тут же «коммунисты», которых Стовер приглашает к себе на работу, чтобы они «помогли ему бороться против войны» и т. д. К концу же оказывается — и это основная идея книги Винниченка — что никакой принципиальной разницы между миллионером Стовером и «коммунистами» нет, что всех их одинаково можно купить и продать. Миллионер и покупает всех, кто ему нужен, и если он сам сумел купить одного «коммуниста» за деньги, то этот «коммунист» уже покупает другого, если не за деньги, то пропагандой проститутских стоверско - винниченковских идей. Сам миллионер является у Винниченка идеа-

лом. И тут же показано, что у него самого слово и дело на каждом шагу расходятся между собой. С одной стороны, он будто бы «атеист», с другой — самым широким образом использует религию и вообще в быте у себя все делает наоборот по сравнению с тем, что он проповедует. Вполне ясно, что вывод Винниченка тут следующий: если ты можешь стать выше представлений о добре и зле, если ты сам можешь оправдать и свою лживость и продажность, то тогда все это и заслуживает оправдания. Старая, мерзкая песня!

О ком же еще можно говорить? О ловком версификаторе и жалком кретине Маланюке или об Олесе, последняя книга которого имеет довольно характерное название. Называется она «Кому повім печаль мою?». Это характеризует собой и все направление его теперешнего творчества. Вначале Олесь хотел поведать свою печаль Масарику и писал подхалимские оды по поводу его юбилея, но, очевидно, это не настолько устроило ему карьеру, чтобы можно было избавиться от этой печали. Как - то, проезжая через Прагу, я зашел по совету друзей во «Флек» — это трактир

в старом монастыре, куда сходятся чешские
мещане весьма часто для того, чтобы посмотреть
на «знаменитость», которую мы выбросили от
себя к ним, — посмотреть на этого самого Олеса.
Он, действительно, очень там знаменит, но пре-
имущественно тем, что всех перепивает на пиве.
Конечно, за пиво платят те же чехи, которым
он «поведаёт свою печаль». В этом и источник
«литературной» популярности Олеса.

Должен вам сказать, что пессимизм, упа-
дочничество — это характерно не только для
самого Олеса, — это пронизывает собой творче-
ство всех эмигрантов - националистов, всю за-
падноукраинскую буржуазную литературу.
Возьмем книгу Микола Мельника - Матвиева
«На чорній дорозі». Львовское «Діло» в своей
рецензии на эту книгу пишет: «Мельник -
Матвиев не свободен от грусти, тоски, задум-
чивости, без которых ни один наш писатель
вообще не мог смотреть на свет». Вообще понятно,
что ни один «их» писатель не может без тоски
и грусти смотреть на свет. Действительно, дела
их грустны, перспективы еще грустнее. Здесь
мы их вполне понимаем, хотя отнюдь не сочув-

ствуем им. Далее, в рецензии говорится: «Зато он умеет когда нужно лучше закусить губы — овладеть собой, чтобы не крикнуть»... Кричи не кричи, а не поможет. Пытался кричать Федор Дудко, но что из этого крика вышло? Мне не раз уже случалось цитировать его произведение «Квіти і кров», в котором он оказал двурушникам плохую услугу тем, что раскрыл их карты, громко крикнув, что украинским националистам, петлюровцам, надо вступать в коммунистическую партию, чтобы взрывать ее изнутри, надо менять свои взгляды, хотя бы и ежедневно, если этого будет требовать ситуация, ибо, дескать, «от смены взглядов чортовы рога на людях не вырастают», а раз так, то нечего стесняться. Вот образец «принципиальности» этой буржуазной западноукраинской литературы.

Об этой книге В. Дорошенко писал так:

«Среди массы разного рода печатной бумаги, наводняющей наш книжный рынок, разочаровывая читателя и отбивая у него вкус», — с этой частью рецензии мы можем совершенно согласиться. Вполне справедливая характеристика желто - блакитного «литературного» хлама.

Обращает на себя внимание в этом «бумажном, наводнении» масса всякого рода мемуаров, воспоминаний. Удивляться нечего: вы ведь понимаете, что если у людей ничего не остается в настоящем и нет никаких надежд на будущее, то им остается только жить своим прошлым, этими самыми воспоминаниями. Это не очень утешительно, но во всяком случае дает возможность этим «писателям», которым приходится ждать по всяким погребкам, чтобы их угостили за чужой счет пивом, вспоминать «счастливые» времена, когда они сами были генералами, министрами, премьерами. Итак — воспоминания. Какую книгу ни взять — воспоминания. Я, готовясь к съезду, просмотрел немало западно-украинской и эмигрантской буржуазной литературы. Вот примеры:

Генерал Всеволод Петров — «Спомини з часів української революції»; Евген Чикаленко — «Щоденник», воспоминания; Микола Галаган — «З моїх споминів»; В. Приходько — «Під сонцем Поділля», воспоминания; И. Каличак — «Записки четаря», воспоминания, Олесь Бабий — «Перші стежі», воспоминания; д-р Кость Ле-

вицкий — «Великий зрив», воспоминания; В. Лопушанский — «Перемога», воспоминания, «Між молотом і ковадлом», воспоминания; С. Шухевич — «Спомини»; А. Крезуб — «Партизани», воспоминания; И. Максимчук — «Кожухів», воспоминания; «За золотоверхий Київ», воспоминания, и т. д. и т. д., до тошноты — все воспоминания, воспоминания и воспоминания. При чем среди этих воспоминаний (а я их могу назвать еще несколько десятков) немалое место занимают воспоминания о предательстве и продажности украинской «патриотической» сволочи — и по отношению к немецкому империализму (Кедрин — «Берестейський мир»), и по отношению к польскому, и по отношению к белогвардейцам. Это имеет для них чисто инструктивное значение. Там говорится, за сколько можно продаваться, какая будет цена — «патриотическая» или «не патриотическая», а кому продаваться — это безразлично для них. В книге доктора Коха («Договір з Денікіном») отнюдь не осуждается продажа украинской «национальной армии» Деникину, а только отмечается, что момент для этого был выбран не

совсем удачно. Ибо то был момент, когда судьба Деникина была уже решена, когда большевики его били и победа большевиков была обеспечена.

Наконец, есть «руководство» продаваться даже китайцам, гоминдановцам, Чан Кай - ши. Доктор Михайло Костев в книге «Джін - Гіс - Хан гряде» пишет о том, как он пошел на службу к Чан Кай - ши, чтобы с ним «бить китайских большевиков», но своевременно, когда Чан - Кай - ши стало хуже, предусмотрительный доктор удрал от него.

Относительно стиля этой литературы, относительно ее художественного уровня. Можно было бы привести тут много цитат и образцов, но есть ли в этом надобность? Ведь они сами справедливо признаются, что их «произведения» разочаровывают и «отбивают вкус» даже у такого не очень то «взыскательного» читателя, как все эти бывшие сотники и министры УНР. Есть там такой В. Юрченко, он страшно «знаменитый» не только в эмигрантской, но и вообще в буржуазной иностранной прессе преимущественно тематикой своих произведений. Он якобы побывал на Соловках, во

всяком случае, он успел издать несколько произведений о них: «Шляхами на Соловки», «Пекло на землі», «3 соловецкого пекла на волю». Мы с вами это «пекло» видели тогда, когда ездили на Беломорско - Балтийский канал, видели, как там когда - то пустынный северный край превращается в промышленно - развитый и расцветший; видели, как создаются там подлинные чудеса, непредставимые при каком - либо ином строе, наблюдали собственными глазами, как под влиянием ударного большевистского труда, большевистской правды вчерашние преступники, отбросы общества, перерождаются, перековываются в сознательных активных участников социалистического строительства. Мы видели условия, в которых содержатся там эти преступники — таким условиям позавидовало бы немало западных рабочих, жестоко страдающих от кризиса, от безработицы. И того, что мы видели, хватило бы не на 3 — 4 тома, как у этого самого Виталия Юрченка — это даст нам материал для многих, может быть, для десятков прекрасных, новых, великих большевистских произведений. Мы с вами видели достаточно своими

глазами для того, чтоб опровергнуть не только юрченковское «пекло соловецьке», а и для того, чтоб опровергнуть и кулишовскую «немедленную реформу человека» с «голубыми мечтами» в «Народному Малахієві». Но обратимся к Юрченке и его стилю. В своем романе «Червоний чад» он так «художественно» и «убедительно» изображает события на Украине. Живут там, дескать, украинцы, но туда приезжают из Москвы москали, которые стараются эту Украину «превратить в Московщину» — вот и вся убогая «идеология» произведения. И вот у него «представитель центра» выступает с популяризацией декрета о замене разверстки продналогом. Вот на каком языке он выступает: «В начале вясни Чека сказала: дайте свабоду і на ентай самай Укряїне ня будет ні аднава бандіта»... і т. д. в том же духе. Разве можно серьезно заниматься анализом «художественных» приемов этой безнадежно - бездарной и безграмотной халтуры?

Правда, встречаются и не воспоминания, например произведения Василя Софронова. Вышла его книга «Грішник», которую такой «знаменитый литературовед», как д - р Остап Грицай,

похвалил в рецензии. За что именно? За то, что «смелый подход в его любовных историях несколько напоминает творческую стихийность... в произведениях Винниченка».

Я думаю, что можно покончить уже с характеристикой этой литературы для политических евнухов и онанистов, этих руководств для шпионов и диверсантов, прейс - курантов для продавцов «неньки - Украины». Я только мог бы напомнить о том, что были и в СССР попытки со стороны представителей этих же враждебных нам элементов, со стороны тех, кто под видом «политических эмигрантов» пролезли сюда к нам, состояли в союзе якобы «революционных писателей Западной Украины», — попытки культивировать здесь такую же «литературу». Я мог бы это подтвердить многими цитатами из Ирчана, Гжицкого, Бобинского, Гаска, если бы у меня было время. Полагаю, что целесообразнее будет не тратить на это времени.

Но я снова повторяю, что и на Западной Украине, за границей, в чрезвычайно тяжелых условиях развивается революционная литература, и эта революционная литература празднует этот съезд

вместе с нами, празднует его как и свою победу. Наш привет им, нашим братьям по оружию, которые находятся в ужасных условиях фашистского режима там, на Западной Украине, за границей! Наш привет им, как единомышленникам и союзникам, как братьям по оружию! (А п л о д и с м е н т ы).

Для украинской советской литературы, так же как и для литературы всего Советского Союза, постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года открыло новые колоссальные возможности дальнейшего роста, дальнейших побед. Но путь осуществления этого постановления у нас здесь, на Советской Украине, в украинской советской литературе, несколько отличался от того, какой мы могли наблюдать в других республиках, в частности нежели в РСФСР. Украинская пролетарская и советская литература не сумела полностью использовать все условия, созданные постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. Почему именно? Потому, что этому мешала вредительская работа контрреволюционеров, шпионов, двурушников, петлюровцев, которые отчасти пролезли и в ряды парт-

организации Украины, которых немало было и среди нас, в рядах советских писателей. Им помогали, и национал - уклонисты, остатки ваплитовства, хвылевизма, скрипниковцы, которые с ними целиком сходились, поддерживали их. Эта их вражеская работа, конечно, облегчалась притуплением большевистской бдительности в КП(б)У в целом, недостаточной борьбой против национал - уклонистов. Таким образом и создалось такое положение, при котором

«великодержавный русский шовинизм является попрежнему главной опасностью в масштабе всего Советского Союза и всей ВКП(б). Но это ни в какой мере не противоречит тому, что в некоторых республиках СССР, в особенности на Украине, в данный момент главную опасность представляет местный украинский национализм, смыкающийся с империалистическими интервентами».

Это определил ноябрьский объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У. Решения пленума неоднократно прорабатывались у нас среди советских писателей. Конечно, и из постановления уже видно, и еще раз разъяснил нам тов. Сталин в своем докладе на XVII съезде

ВКП(б), что не всегда украинский местный национализм был главной опасностью для УССР и внутри КП(б)У. Тов. Сталин просто сказал об этом:

«Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, — уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму?..

Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности».

Вам известно, что именно такое положение было с местным украинским национализмом в УССР. Мы все помним, как в целом ряде ответственных мест на многие участки политического строительства пролезли двурушники, петлюровцы, шовинисты, представители уклона к местному украинскому национализму. И ясно, что этот местный украинский национализм разросся в государственную опасность и превратился в главную опасность, с которой нам надо прежде всего бороться.

Бесспорно, товарищи, притупление классовой

бдительности, характерное для всей КП(б)У на определенном этапе, отразилось и на работе Оргкомитета союза советских писателей на Украине. За этот первый период мы проглядели много дел, на которые должны были прежде всего реагировать, поскольку влияние этого местного украинского национализма и двурушнической контрреволюционной деятельности наших классовых врагов особенно ярко проявились в художественной литературе. И таким образом дело дошло до того положения, о котором ноябрьский пленум ЦК и ЦКК КП(б)У сказал:

«При значительном росте украинской советской литературы и писательских кадров на этом фронте особенно выразительно проявилось влияние буржуазно - националистических элементов и их агентуры в партийных рядах».

Нельзя сказать, что за это время Оргкомитет союза советских писателей вообще ничего не замечал и совсем не боролся против национализма. Бесспорно, некоторую борьбу мы проводили и против великодержавного национализма, и против местного. Я хочу напомнить вам о

ярких проявлениях русского великодержавного национализма в Одессе, когда там создалась организация «Союз писателей юга России». Уже эта терминология, как мне кажется, достаточно красноречива. И именно мерами Оргкомитета и его одесского уполномоченного этот «союз» был ликвидирован, как организация великодержавная и по существу черносотенная.

С другой стороны, вспомните выступления Осьмачки с его контрреволюционными произведениями, вспомните историю с областной радиогазетой, с И. Дорожным, нашу кампанию против националистических учебников литературы и т. д. Мы как - будто реагировали на все это, но в чем состояла ошибочность нашей работы, недостаточность ее? Мы замечали наличие этого национализма, и великодержавного и местного, только тогда, когда он уже выширал, когда он становился таким очевидным, что не замечать его уже нельзя было; тогда мы начинали бить по нему. Так что эта заслуга не такая уж большая. И, бесспорно, новой тактики классового врага, его тактики «тихой сапой», осуществлявшейся в художественной литературе, в произ-

ведениях Досвитных, Яловых, Пилипенок и других, мы не замечали, пока нам на это не указала партия. Тогда как тов. Сталин давно предупреждал нас об изменении тактики классового врага.

Поскольку невозможно отрывать большевистскую бдительность от всей работы, от ее системы, от всех ее результатов, поскольку без такой бдительности для нас невозможна была бы хорошая работа, то и естественно, что за начальный период существования Оргкомитета у нас было много суеты и мало работы. Страшно даже вспомнить, сколько было заседаний, как мы были завалены хозяйственными вопросами. Я не хочу, чтобы товарищи меня поняли так, будто хозяйственными и бытовыми вопросами не надо заниматься. Напротив, надо, и серьезно надо ими заниматься. Но тогда О. Вишнею был совершенно сознательно взят курс на то, чтобы мы, погружаясь в «хозяйственную экспансию», не могли заниматься творческой работой, не могли обращать внимания на то, что делается в самой литературе. В этом были заинтересованы двурушники, чтобы не дать нам возможности за-

метить их вредительства, чтобы запутать нас, чтобы не дать нам действительно стать организацией, созданной по новому организационному принципу, продиктованному постановлением ЦК от 23 апреля. Таким образом, по существу творческой организацией мы тогда еще не были. А такое поведение двурушников было для них совершенно логичным. Они вели линию на замораживание творческой жизни и литературы, они были неспособны к участию в творческой жизни, ибо все направление культурного творчества на советской Украине было органически для них неприемлемым, было им враждебным. И даже те из них, которые когда-то были писателями, даже те из них, которые когда-то начали писать с намерением стать мастерами, — они за эти последние годы фактически ничего общего с созданием литературы, ничего общего с писательским творчеством уже не имели.

Это ведь очень характерно. Вот вспомните, как кто из них выступал во время творческих совещаний, созываемых нами, вспомните, как кто из них проявил себя, как человек, имеющий какое-то отношение к творческому процессу.

Ведь никто из них в творческой дискуссии ровно ничего толкового не мог сказать. Так далеко они стояли от производственных вопросов литературно - художественного мастерства.

Вспомните, ведь целый год до своего самоубийства Хвылевый находился в составе Оргкомитета — разве он хоть один раз за все время выступил по творческим вопросам, разве он хоть одно слово сказал о творческих вопросах за этот год пребывания в Оргкомитете? Он на общих собраниях, на пленумах вообще не выступал, ему выгоднее было не выступать и не проявлять своих мыслей; но на узких собраниях, на президиуме Оргкомитета он оживлялся лишь на один момент, когда шла речь о пайках, чтобы не утратил пайка кто -нибудь из его единомышленников. Или позднее других раскрытый Олекса Слисаренко — вспомните его выступление на совещании по большой прозе (многие из товарищей были на этом совещании, остальные читали о нем в газете). Мы его предупреждали за месяц или за два, что ему придется выступить, что это будет его фиксированное творческое выступление. Он имел возможность подготовиться, а для чего он использовал

свое время? Чтобы пожаловаться на недоразумения с издательством, чтобы пожаловаться на то, что ему куда-то не дали командировки, а по сути творческих проблем он ничего не смог сказать. Абсолютно ничего. А что все эти Вишني и Слисаренки давно уже перестали быть писателями, давно утратили всякую связь с писательским творчеством — для этого, я думаю, в свое время было слишком много доказательств. Характерно, что в таком же духе выступал и Косынка на том же самом творческом совещании, тоже жаловался на издательство, тоже высказывал свои концепции развития или состояния нашей художественной литературы. Цитировал Некрасова — «Братья писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое». Пришлось ответить ему, что в судьбе таких писателей, как Косынка, творчество которых проникнуто буржуазными националистическими тенденциями, действительно лежит что-то «роковое», такое творчество действительно обречено, и если направление этого творчества не изменится решительно, то, очевидно, обреченной будет и судьба этих авторов, как и судьба того класса, который они представляют. Я пола-

гаю, что комиссия правильно сделала, что не приняла Косынку в союз советских писателей. Не за то выступление, разумеется, а вообще за несоответствие идейной направленности его творчества требованиям устава.

Началом нового перелома во всей работе, началом исправления тех недостатков, которые были допущены в предшествующие годы — 1931 и 1932, началом решительной перестройки и повышения нацкультстроительства, а следовательно и развития советской литературы следует считать ту колоссальную помощь, которую после январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 года оказал нам ЦК ВКП(б) и прежде всего тов. Сталин.

Еще в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 14/XII 1932 года было обращено внимание на ошибки и недостаточную бдительность, допускаемые в процессе осуществления нацкультстроительства на Украине, в процессе украинизации. Там так и было предложено:

«обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские

и другие буржуазно - националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации».

В соответствии с этой директивой ЦК ВКП(б) и всесоюзное правительство оказывают громадную помощь Советской Украине, присылают сюда на работу группу ответственных непреклонных большевиков во главе с тов. Павлом Петровичем Постышевым. И этот период, в особенности июньский и ноябрьский пленумы ЦК КП(б)У, был переломным для всей работы на Украине, был переломным в частности и для литературы. Была взята линия на всестороннее усиление связи украинской советской литературы с литературой и искусством других народов СССР и одновременно на то, чтоб ликвидировать ту националистическую линию, которая проводилась при помощи Скрышника на отчуждение украинской культуры от пролетарской русской культуры. Выступления тов. Постышева прежде всего на июньском пленуме ЦК

КП(б)У, резолюция по докладу тов. Косиора на ноябрьском пленуме, неоднократные выступления тов. Н. Н. Попова, тов. П. Любченка, в которых уделялось очень большое внимание и художественной литературе,— все это должно было повлиять оздоравливающе и на состояние всей нашей работы. Все это, вместе с усилением осуществления ленинской национальной политики, осуществления нацкультстроительства, должно было продвинуть и развитие советской литературы.

Линия Скрышника, которая была раскрыта под руководством ЦК КП(б)У, сводилась к противопоставлению процесса развития украинской литературы процессу развития литературы русской и других советских республик. Она была направлена на отрыв одной от другой. В этом отношении, товарищи, по существу фундаментальной разницы между взглядами Хвылевого и взглядами Скрышника не было. Я думаю, что мы это все в процессе борьбы, проводимой партией против скрышниковщины, могли бы совершенно осознать. Например, Хвылевый писал в «Апологетах писаризму»:

«На какую из мировых литератур она (украинская литература) должна взять курс? Во всяком случае не на русскую... Не следует путать нашего политического союза с литературой. От русской литературы, от ее стилей украинская поэзия должна как можно скорее бежать».

Так писал Хвылевым. Как отнесся к этому националистическому и троцкистскому утверждению Скрыпник? Он дает «карт - бланш» Хвылевому в его борьбе против «Москвы». Вот слова Скрыпника:

«Итак, если тов. Хвылевый стоит против тех или иных украинских или русских литературных направлений и отрицает их формы и стиль, борясь за новые формы, за новые стили и т. п., в таком случае тов. Хвылевый имеет карт - бланш, и мы ему не будем возражать... И если тов. Хвылевый хочет проторить себе особую тропинку мимо разных существующих русских литературных течений, бог с ним, — туда ему и дорога» (т. II, часть I, стр. 114—117).

Но, товарищи, у Хвылевого говорится не просто о стилевых признаках, новых формах и т. д. Нет, у него ясно идет речь об идеологическом влиянии русской пролетарской литературы.

Против этого идейного влияния Хвылевый и боролся, и его в этом поддерживал Скрышник, оценивая это как литературное дело, в которое партии нечего вмешиваться. Он так и говорит:

«Борясь с плужанством и гартовцами на Украине, с идеологическими (подчерк. мною.—И. К.) художественными течениями в русской литературе и их влияниями на украинскую литературу, тов. Хвылевый имеет свой особый взгляд на искусство, а именно — он сторонник так называемого формализма и неоклассицизма. Ну, стоит — и пусть себе стоит, бог с ним — это их литературное дело. Мы политики... вмешиваться в их литературную борьбу — это не наша задача». (Там же).

Другими словами, проповедуется невмешательство партии, партийного руководства в эту борьбу, которая была борьбой шовинистов, национал-уклонистов против партии, борьбой национал-уклонистов за отрыв Украины от Советского Союза. Проповедуя невмешательство в эту борьбу, Скрышник тем самым поддерживает этих уклонистов, которых он сам возглавлял, поддерживает фактически отрыв Советской Украины от Советского Союза. Он извращает резолюцию ЦК

ВКП(б) от августа 1925 года, где говорилось, что нельзя давать монополию какой-либо стилистической группе, но ясно отмечалась политическая линия развития литературы и подчеркивалось, что литература должна быть рассчитана на подлинно массового читателя, рабочего и крестьянина. Классовая направленность этого постановления была ясна и ничего общего со скрыпниковской «контр-бланш» тут не могло быть. Скрыпник, так истолковывая это постановление, дает оружие в руки националистам в их борьбе за восстановление капиталистического строя. Скрыпник категорически отрицал влияние русской пролетарской культуры на украинскую, допуская сотрудничество «вообще», ибо помощь со стороны РСФСР можно оказывать только киргизам, татарам, якутам, поморянам и т. д. Какое здесь презрительное отношение к этим «низшим» народам!

Между этим утверждением Скрыпника и требованием Хвылевого — «довольно фальшивать» — «даешь свой собственный разум» — никакой принципиальной разницы нет. Отсюда стремление — разоружить партию, разоружить проле-

тарскую литературу утверждением о том, что нет никакой возможности определить, какая литература — пролетарская, какая — нет, что у нас нет той «лакмусовой бумажки», которая могла бы помочь нам узнать это:

«Оставим это, не расследуя, где та лакмусовая бумажка, которая даст нам возможность определить чисто пролетарский характер творчества того или иного писателя. Мы не алхимики, мы не знаем такой лакмусовой бумажки... Мы можем стоять с пустыми руками перед этой борьбой, не выдавая пролетарского диплома какой-либо из них» (т. V, стр. 8).

И он даже приводит конкретные примеры:

«Я не хочу в своей речи оказать хотя бы на одну унцию предпочтение какому-либо писателю, какому-либо литературному течению. Я хотел бы одинаково относиться и к тов. Полищуку, и к тов. Левитиной».

А вам известно, что позиции тов. Левитиной и тов. Полищука были диаметрально противоположными позициями, и понятно, к чему могла приводить эта теория «свободного состязания». Она исходила из объединения всего развития

послеоктябрьской украинской литературы в «единый поток». Ставя на один уровень и пролетарских писателей, и двурушников, и мелкобуржуазных, которые только старались приблизиться к пролетарской литературе, Скрышник для всех их требовал совершенно одинакового отношения со стороны партии. Это было в соответствии с теорией «единого потока», «национального единства» всей украинской литературы. Скрышник исходил из отсутствия принципиальной разницы между буржуазной украинской литературой и литературой послеоктябрьской, литературой советской, пролетарской.

Он уверял, что «политическая роль литературного произведения уменьшилась по сравнению с тем, что было 25 — 30 лет тому назад». С этой теорией «свободного состязания» и «национального единства», заимствованною у Ефремова, Скрышник подходил равным образом и к вопросам литературы и к вопросам научной работы. Он призывал к сотрудничеству всех, кто не стоит на марксистских позициях; мало того, он предоставлял им критиковать нашу марксо - ленинскую работу:

«Мы предоставляем нашу марксистско-ленинскую работу резкой критике всех работников научной мысли в области литературоведения. Этой критики мы не боимся, мы ее приветствуем»... (стр. 47).

Это, конечно, облегчало контрреволюционерам, националистам их стремление захватить под свое влияние литературоведческий фронт. Скрышник по своему истолковывал постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, продолжая и здесь подчеркивать «единый национальный фронт». Он этим способствовал стремлениям двурушников школы Хвылевого, Ялового свить себе гнездо в рядах советских писателей уже после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Им нужно было растворить пролетарских писателей «в общей массе», устранить партийное руководство, и Скрышник выступает в согласии с ними. В своей речи на литературном совещании по вопросу реализации постановления ЦК от 23 апреля 1932 года он выступает против идейной борьбы между писателями в едином союзе советских писателей:

«Как же можно допускать эту подготовку

заранее определенного наступления на еще даже не организованный союз советских писателей, с той оговоркой, что, дескать, мы пролетарские писатели, не растворимся, а идейно будем бороться за свою линию? Что это будет?» —

взывает Скрышник — как же, дескать, можно допускать, чтобы пролетарские писатели не растворились среди Яловых, Досвитних, Вишень? Скрышник решительно против этого возражал и вызывал «на поединок» всех, кто защищал пролетарские позиции в литературе.

Далее, он возражает против потребности очистки рядов писателей «членов партии», а вы ведь знаете, что тогда в коммунистическую фракцию Оргкомитета писателей пролезли чужие нам люди, двурушники. А Скрышник снова ставит на одну доску Микитенка и Ялового. На реплику тов. Хвыли во время совещания, что и над фракцией Оргкомитета придется поработать, Скрышник отвечает: «Мы пока, что не Иоанн Предтеча, так что не будем говорить о будущей фракции будущего союза советских писателей». Тем самым он фактически усыплял больше-

вистскую чуткость коммунистов, входивших в эту фракцию, защищал двурушников - хвелевистов.

Не буду затягивать иллюстраций. Взгляды Скрышника, теории Скрышника в литературоведении, в области литературной политики, в достаточной степени нам известны. Мы все знакомы и с той беспощадной критикой, которой подверг эти теории ЦК КП(б)У и прежде всего тов. Постышев в своем выступлении на июньском пленуме.

ЦК нашей партии популяризовал среди писателей задания, направленные на повышение развития национально - культурного строительства и на разгром националистического лагеря. Применен был ряд мер, поднявших на значительно высший уровень национально - культурное строительство, развитие культуры и искусства в УССР. Я уже называл вам некоторые из этих мер, но нельзя забывать или недооценивать того, что именно в этот период мы начали строить памятник Шевченке в самом крупном пролетарском центре Советской Украины — Харькове, приступили к академическому изда-

нию его произведений. А строительство сотен новых больших колхозных театров, а художественные выставки, а постановление о перенесении столицы в Киев — все это свидетельствует опять-таки о значительном нашем усилении, укреплении, росте. Все это обеспечивало и количественный и качественный рост художественной советской литературы, также усилившийся именно за этот период. И первый всеукраинский съезд советских писателей является ярким показателем побед пролетарского интернационализма над национализмом, побед той линии, которую проводил ленинский ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным, которую под его руководством проводил ЦК КП(б)У. Колоссальная работа, проведенная партией, укрепила позиции пролетарской литературы, активизировала немало беспартийных писателей, вообще всех подлинно советских писателей, сгруппировала их еще больше, еще теснее вокруг партии, обострила идейное направление их творчества.

Таким образом, разгром националистов, в соединении с неуклонным осуществлением ленин-

ской национальной политики, в соединении с усиленным развитием национально - культурного строительства, бесспорно способствовал новому повышению и развитию советской литературы.

Конечно, товарищи, борьба с националистами и с остатками их влияний на художественно - литературном фронте далеко еще не закончена. Есть еще и далее попытки противопоставлять украинскую литературу русской, попытки, в основе своей скрывающие стремление оторвать УССР от СССР. Мы это замечаем и усиливаем борьбу против таких явлений и в литературоведении, и в критике. И совершенно верно тов. Н. Н. Попов вчера заострял наше внимание именно на этих моментах и остановился на неверной оценке старых украинских писателей - классиков, в частности Т. Г. Шевченка. Все мы с вами помним, как нагло фальсифицировали Шевченка всякие Речицкие и компания, как фальсифицировал Шевченка и Скрыпник. Но, с другой стороны, была просто ошибочная оценка со стороны тех людей, которые боялись «унизить память поэта» тем, что они не

скажут, что Шевченко был «настоящим социалистом», «пророком Октября» и т. д.

Не случайно ведь и в этом году, во время празднования юбилея Т. Г. Шевченка, несколько периферийных газет напутали в юбилейных статьях, хоть уже тогда были опубликованы тезисы Культпропа ЦК КП(б)У о Шевченко; на это указывал ЦО партии «Коммунист».

Тезисы культпропа ЦК КП(б)У, основываясь на установках Ленина о критическом усвоении культурного наследия, сохраняя полностью историческую перспективу, доказывают, что такая ленинская оценка определяет настоящее место классика, устраняет аллилуйщину и не только не снижает его в глазах потомков, а, наоборот, подчеркивает настоящее значение его роли. Разве утратил что -нибудь в наших глазах Шевченко, когда было ясно сказано, что он «не выступал и не мог выступать против основ буржуазного строя», что он был выразителем революционности буржуазной крестьянской демократии? Ведь это ставит его рядом с лучшими людьми того времени, с Чернышевским,

Добролюбовым. И разве не поднимается в нашем сознании еще выше то подлинно революционное, принадлежащее к нашему наследию, что есть в творчестве Шевченка, если мы не закрываем глаз на то, что была в некоторых его произведениях «идеализация прошлого, элементы национальной ограниченности, религиозные вуалировки»? Мы ведь понимаем, что это были не просто черты его личного характера, а исторически неизбежное «отображение непоследовательности, половинчатости крестьянского восстания, узости и ограниченности того крепостного гнева, рупором которого был Шевченко». Нам не надо прикрашивать прошлое и зажигать лампадки перед портретом Т. Г. Шевченка (как это делает чинуша - петлюровец в «Арсенале» Довженка). И без того этот великий гений будет принадлежать в наших глазах к «лучшим людям своей эпохи, к одиночкам - революционерам, самоотверженно боровшимся за интересы крестьянства, за свержение монархий и власти помещиков».

И влияние наследия Шевченка на современную поэзию, не только украинскую, вполне оправда-

но — и гениальностью его, как поэта, и такой его исторической ролью. Я мог бы привести примеры такого влияния на русскую, белорусскую и т. д. поэзию. «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого (не даю здесь оценки этого произведения) имеет на себе все следы овладения шевченковским стилем, его стихосложением и принципом построения образов. Если взять народного поэта БССР Янку Купалу, то, бесспорно, в его произведениях ощущается определенное влияние наследия Т. Г. Шевченка, я мог бы сказать, что в переводе Сергея Городецкого «Над рекою Аресой» еще больше ощущается влияние Шевченка, чем в самом оригинале. Очевидно, что, ища аналогий, переводчик должен был обратиться к такому яркому источнику, как продукция Тараса Григорьевича Шевченка.

Но разве одного только Шевченка у нас калечили националисты, при чем способствовала этому калечению всякого рода «некритическая критика»? Нет. Так было и с Иваном Франко — достаточно вспомнить сборник «Суспільно - політичні погляди Івана Франка» под редакцией двуручников Березинского и Каченюка — эту

попытку сделать Франка сторонником и, так сказать, апологетом валленродизма. С другой стороны, ошибочными были попытки провозглашать Ивана Франка «рабоче - крестьянским писателем». А провозглашение Бориса Гринченка — «классиком»! Вы помните, что раньше, во времена Скрышника, нельзя было сдать экзамена по украинизации на первую или вторую категорию, не прочитав «Під тихими вербами» этого скучного кулака - кооператора, гробокопателя литературы — Гринченка. А что означал лозунг — «назад к Кропивницкому», провозглашенный Костем Буревиєм, поддержанный бывшими вацлитовцами на первом драматургическом совещании? Что это было, если не такая же националистическая попытка замазывать националистические и кулацкие элементы в произведениях Кропивницкого, провозглашать его для нас «образцом», который мы обязаны воспринимать абсолютно некритически, полностью, и направлять развитие советской драматургии на Кропивницкого?

А в то же время некоторые дореволюционные писатели, гораздо более близкие нам, писатели,

оставившие значительно более ценное культурное наследие, наследие демократическое и весьма часто наследие, в котором много революционных элементов — они или развенчивались, или совсем не популяризовались. А если временами их и издавали, то в ограниченном тираже, не обеспечивали преподавания их произведений в школе. Например, каждый школьник должен был знать Гринченка «на зубок», есть немало таких авторов и произведений, которых отнюдь не следовало рекомендовать для нашей начальной и средней школы, а школьники обязаны были знать их; а такого поэта, как Павло Грабовский, в произведениях которого много подлинно - революционного, ни разу не издали после революции (если не ошибаюсь, последнее издание его вышло в 1912 году). И нигде я не видел ни одной учебной программы, которая рекомендовала бы изучать Архипа Тесленка, оставившего наследие в значительной степени более демократическое, чем многие другие классики. Разве это не свидетельствует о том, как вяло у нас развивалась критика и марксо - ленинское литературоведение?

Я мог бы привести еще немало фактов такого порядка. Например, попытки противопоставлять связи и взаимное влияние русской и украинской литератур хотя бы попытка отрицать связь Максима Горького и Михайла Коцюбинского. А когда эту связь уж нельзя было отрицать, потому что А. М. Горький свою переписку с Коцюбинским подарил Черниговскому музею и она была опубликована, тогда националисты начали популяризовать новую легенду о том, что связь, дескать, была, но никакого влияния Горького на Коцюбинского не могло быть; напротив это, дескать, Коцюбинский просто «использовал» Горького «для украинского дела». Такова, приблизительно, концепция и Анания Лебеда.

Я полагаю, что теперь этот вопрос можно было бы считать уже совершенно решенным. Я думаю, что, может быть, не лишним будет прочитать здесь письмо, полученное от Максима Горького; хотя письмо и личное, но Алексей Максимович позволил его огласить на этом съезде. Письмо очень важное для нас тем, что оно затрагивает и ряд центральных для этого съезда вопросов, касающихся установления бо-

лее тесной связи — и общей работы — между украинской и русской советскими литературами и советскими литературами всех стран и народов СССР.

Он говорит в этом письме о своих отношениях с Коцюбинским следующее:

«Отношения эти с первых же дней знакомства сложились как очень дружеские и тесные. Мы читали друг другу черновики наших работ и оба очень искренно говорили друг другу, что каждый думает о работе другого. Если говорить о «влиянии», оно, вероятно, было взаимным. М. М. работал на Капри — мало, но очень много рассказывал о своих планах. Помню, что некоторое время его весьма волновала повесть из жизни гуцулов, которую он впоследствии дал как отличный очерк «Тени забытых предков».

Это чрезвычайно интересный для нас момент, проливающий некоторый свет на эту неясную страницу периода отношений М. Коцюбинского с Горьким. Теперь, когда мы знаем из письма Горького, что «Тіні забутих предків» — это незаконченное произведение, произведение, не соответствующее более широкому замыслу автора,

очерк вместо задуманной повести, — весь этот период становится для нас значительно более ясным.

Еще интереснее дальнейшее (свидетельство Алексея Максимовича, поясняющее нам, почему именно в тот период М. Коцюбинский начал интересоваться подобными темами. Оно дает нам возможность сделать вывод, было ли это положительным или отрицательным явлением в творчестве Коцюбинского:

«Мечтал он написать повесть о Довбыше, брал у меня «Литературно - научные» львовские сборники... Мечтал дать рассказ о Кармелюке, и я думаю, что не ошибусь, сказав, что он настраивался на «героичный лад».

Теперь для нас ясно, что с помощью этого настраивания на «героичный лад» Коцюбинский старался преодолеть пессимизм и упадочничество, характерные для мелкобуржуазных писателей в годы реакции, после поражения первой российской революции 1905 — 1907 гг. Ясно также, что это настраивание на героичный лад давалось ему в процессе борьбы против влияний западных символистов и модернистов. Что вли-

яния эти преодолевались с помощью Горького — у нас тоже есть совершенно точное свидетельство:

«Настроение это особенно разжигалось нашими спорами со Стефаном Жеромским, который в то время «бытовал» тоже на Капри, преодолевая рецидив туберкулеза. Жеромский доказывал нам, что подлинное искусство всегда было религиозно или метафизично, и что эстетика без метафизики вообще невозможна. Он в ту пору сотрудничал, кажется, в «Revue du Monde», сильно подчинен был новейшим французским влияниям — Абель Рея, Бергсона, а в общем рассуждал «эклектически» и почти неуловимо, как бы качаясь между многими противоречиями. Послушав его, М. М. огорченно вздыхал: «Не дай боже так заплутаться». Был он человек замечательно милый, очень мягкий и волею и разумом».

Я думаю, товарищи, что следовало бы здесь прочесть и далее, что пишет Алексей Максимович в этом письме уже на другие темы. Это имеет непосредственное отношение к нашей работе и к некоторым вопросам наших взаимоотношений, которые раньше казались кое-кому недостаточно выясненными. Все вы помните возму-

тительную, подлую клевету по адресу Алексея Максимовича, которую распространял контрреволюционер, двурушник Олекса Слисаренко по совершенно понятным теперь для нас соображениям. Об этом как - раз и пишет далее Алексей Максимович:

«Ваше письмо заставило меня вспомнить «инцидент», разыгравшийся между мною и Слисаренко, который обвинил меня в склонности к «великодержавию», что было вызвано у него моим письмом, в коем я, несколько обиженный весьма задорным письмом Слисаренко ко мне, заявил что - то в таком роде: считаю необходимым для взаимопонимания и единения человечества единый язык, все равно какой — английский, украинский, мордовский и т. д. Единоязычие я, конечно, и теперь считаю — в будущем — неизбежным, но ответил Слисаренке, должно быть, тоже задорно. По этому поводу я объяснялся с украинскими писателями в 1928 году в Доме Блакитного».

Но я думаю, что теперь в 1934 году, нашему дорогому руководителю всесоюзной литературной организации — Алексею Максимовичу Горькому уже не пришлось бы давать этих объясне-

ний. Я уверен, что ни один из нас, пролетарских писателей, и тогда ни на минуту не верил той клевете, тем сплетням, которые распространял шовинист Слисаренко против этого гиганта пролетарской литературы. Я думаю также, что и во взглядах тех товарищей, которые тогда этого не понимали, кое - что за это время изменилось.

Далее Алексей Максимович говорит о своих связях с Украиной, которые, согласно «литературоведам» - националистам, возникли якобы только после приезда М. М. Коцюбинского на Капри:

«А мои симпатии к народности украинской возникли еще в 91 году, когда я ходил по Украине, окрепли в 97 — 99, когда жил в Полтавской губернии... В 15 - ом готовил к изданию «Украинский сборник»... Будь я «великодержавец» — зачем бы мне заниматься организацией сборников, которые должны были показать наличие яркой и своеобразной культуры народностей, подавленных самодержавием Романовых и К^о? Грустно, что все еще приходится говорить на такие темы в наши великие дни».

От нас с вами, товарищи, от нашей борьбы за пролетарский интернационализм зависит, чтобы как можно меньше приходилось в дальнейшем

говорить на такие темы в наши великие дни, требующие от нас слишком много другой сложной, важной, высокой, положительной работы — созидательной социалистической работы.

Есть еще место в этом письме, касающееся издания, по инициативе Алексея Максимовича, в издательстве «Академия» «Енеіди» Н. Котляревского на украинском языке. Конечно, для русского читателя нужно будет предисловие на русском языке, поэтому Алексей Максимович спрашивает, кого можно рекомендовать как автора такого предисловия. Вопрос, на который не сразу ответишь.

Но дальше еще более сложный вопрос, заставивший меня покраснеть от стыда:

«Имеется ли очерк истории украинской литературы, а если нет — предполагается ли написать таковой? Это очень нужно для нас, северян, а то наша молодежь ничего не знает о прошлом Украины. Необходимо взаимно обмениваться знанием прошлого для всех союзных республик, нужно, чтобы белорусс знал, что такое грузин, тюрк и др., а все другие знали, что такое украинец, белорусс, узбек, татарин и т. д. Верно?»

«Верно?» — спрашивает Алексей Максимович. Я думаю, что ответ может быть с нашей стороны только один. Но, товарищи, все-таки факт, что такого очерка истории украинской литературы, который можно было бы рекомендовать советскому читателю за пределами Украины, у нас нет. Нет ни одного серьезного, солидного учебника или просто книги по истории украинской литературы, которая по марксо-ленински освещала бы хоть в общих чертах процессы ее развития. Нет у нас таких произведений, и ничего я посоветовать Алексею Максимовичу, к сожалению, не мог.

Что у нас по существу было и есть? Есть книги контрреволюционеров, петлюровцев, вроде Ефремова; есть книги, совершенно сходящиеся с ним в принципах литературоведения, как книга Дорошкевича; есть учебники, книги, конспекты, очерки, написанные уже и членами партии, теми, которые обязаны быть марксистскими критиками — я имею в виду учебники, написанные тов. Коряком — но в них столько общей, фактической путаницы, и столько националистических ошибок и противоречий, что рекомендовать их

никак нельзя. И мы обязаны на нашем съезде заострить этот вопрос.

Надо, в конце концов, создать марксо - ленинскую историю украинской литературы, надо, наконец, суметь так оценить в частности и тех украинских классиков, продукция которых составляет наше наследие, как оценивает их партия на основании высказываний Ленина о культурном наследстве, хотя бы в духе тезисов о Шевченке, оглашенных Культпропом ЦК КП(б)У.

Большинство источников, по которым мы изучали до сих пор украинскую старую классическую литературу, процесс ее развития, старались доказать как раз отрыв развития украинской литературы от русской, противопоставить одну другой, доказать, что никогда ничего общего между ними не было, доказать, что никаких влияний не было, не было в частности влияния тех русских писателей, у которых были революционные или демократические тенденции в их творчестве, на таких же украинских писателей. Были также попытки изобразить развитие украинской литературы так, как это бы-

ло у Ефремова и Скрипника, чтоб «задним числом» оправдать политическую ориентацию украинской буржуазии во время империалистической войны на австрийскую империю, вопреки единственному пути освобождения Украины и украинских трудящихся масс, совершенно точно и ярко начерченному Лениным.

Вам ведь прекрасно известно, что во время империалистической войны в 1914 году была так называемая организация СВУ — «Союз визволення України» тогдашней формации, во главе с Баском - Меленевским, Скоропис - Йолтуховским; там одно время был Донцов и другие наемники австрийского и германского империализма, ориентировавшие Украину и украинских трудящихся на Габсбургов и Гогенцоллернов, требовавшие, чтобы трудящиеся, пролетарии и крестьяне Украины, поддерживали Австрию и Германию в империалистической войне с Россией, говоря, что это «единственный путь освобождения Украины». Дескать, «в Австрии всегда было больше легальных возможностей, цензурных возможностей, чем на Украине, под российским царизмом». В уверениях, что, дескать, с 70 — 80

годов прошлого века отрывается развитие украинской литературы от русской литературы, в этих уверениях и Ефремова и Скрышника о том, что с того времени, как появляется Франко, все развитие украинской литературы идет под влиянием западно - украинской литературы — были одновременно и стремления оправдать ориентацию буржуазных украинских националистов на австрийский империализм во время войны 1914 года, и попытки исторически оправдать ориентацию Хвылевого, шумкистов, а за ними и Скрышника на Западную Украину. Когда неудобно было говорить, что следует ориентироваться на империалистическую Польшу, на фашистскую Германию, тогда просто говорили, что надо ориентироваться на западноукраинскую культуру, на западноукраинских писателей, что по существу было тем же самым, только в замаскированной форме.

Как еще тогда, 20 лет тому назад, Ленин высказывался по этому поводу? С одной стороны, он защищал вообще украинских трудящихся от обвинения в «мазепинстве» и т. д., он категорически протестовал против унижения и порабо-

щения украинцев в России. Вот что говорил тогда Ленин:

«Разумеется, всякий демократ, не говоря уже о марксисте, будет решительно бороться против неслыханного унижения украинцев и требовать полного равноправия их».

Но, с другой стороны, он говорил:

«Но было бы прямой изменой социализму и глупенькой политикой даже с точки зрения буржуазных «национальных задач» украинцев — ослаблять существующую теперь, в пределах одного государства, связь и союз украинского и великорусского пролетариата». (т. XII, стр. 142. изд. 3-е).

Выступая против черносотенцев, графа Бобринского, Савенка и других, Ленин писал:

«Оставалось непонятным, почему же Россия не может попробовать «укрепить» связь украинцев с Россией тем же методом, который г. г. Савенки ставят в вину Австрии, т. е. предоставлением украинцам свободы родного языка, самоуправления, автономного сейма и т. п.» (т. XVII, стр. 448, изд. 3 - е).

Но, с другой стороны, Ленин писал о тех, кто видел выход в ориентации на империалистическую Австрию:

«Ликвидатор Семковский, бундист Либман, украинский мелкий буржуа Юркевич на деле просто плетутся в хвосте национал-либерализма, развращают рабочий класс национал-либеральными идеями» (стр. 449 и 450).

Ленин противопоставлял этому идею пролетарского интернационализма:

«А мы будем делать дело интернациональных рабочих: сплачивать, соединять, сливать рабочих всех наций для единой совместной работы. Да здравствует тесный братский союз рабочих украинских, великорусских и всяких иных наций России!» (стр. 529 в примечании к письму Лолы).

Еще тогда Ленин дал определение единственного пути, который обеспечивал свободное развитие Украины, превращение ее в могучую советскую республику, неотъемлемую часть великого Советского Союза, — пути, который обеспечил то развитие и расцвет украинской советской литературы, одного из передовых отрядов всесоюзной литературы, свидетелями которого мы являемся сейчас:

«При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи» (т. XVII, стр. 142).

И наконец:

«Великорусские и украинские рабочие должны вместе и, пока они живут в одном государстве, в самом тесном организационном единстве и слиянии отстаивать общую или интернациональную культуру пролетарского движения, относясь с абсолютной терпимостью к вопросу о языке пропаганды и об учете чисто местных или чисто национальных особенностей в этой пропаганде. Таково безусловное требование марксизма. Всякая проповедь отделения рабочих одной нации от другой, всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой якобы целой национальной культуре и т. п. есть буржуазный национализм, с которым обязательно беспощадная борьба», (т. XVII, стр. 144).

Но надо также дать решительный отпор всяким попыткам неправильной и по существу националистической оценки процесса зарожде-

ния и развития пролетарской литературы на Украине, той путанице и неверным националистическим оценкам, которые имеются в вопросе о ее «основателях». Тов. Попов в своем приветствии вчера значительно облегчил мне задачу тем, что внес полную и совершенную ясность в этот вопрос. Совершенно правильно он оценил теорию «первых храбрых», которая пошла с легкой руки тов. Коряка (ее поддерживали некоторые другие товарищи — в порядке самокритики повторяю, что многие из нас повременам некритически относились к этой теории, в том числе и я в некоторых своих выступлениях). Эта теория «первых храбрых» провозглашала «основателями пролетарской литературы» писателей, которые тогда не были членами нашей партии, не были большевиками, а принадлежали к националистической партии. Как же они могли быть основателями пролетарской литературы, возникновение, существование и развитие которой возможно исключительно под руководством партии большевиков? Создание украинской пролетарской литературы — это ведь процесс, который совершался не оторванно,

а под непосредственным руководством нашей партии, в борьбе за диктатуру пролетариата, за построение бесклассового социалистического общества. Пролетарская литература на Украине развивалась в органической связи с пролетарской литературой России, под руководством единой большевистской партии. Русская пролетарская литература уже до революции имела таких гигантов, как Максим Горький, таких выдающихся пролетарских писателей, как Демьян Бедный, Серафимович. Конечно, таких последовательно - пролетарских писателей в украинской литературе у нас не было не только до революции, но и в первые годы после создания диктатуры пролетариата. Как раз наша непосредственная связь с русской пролетарской литературой обеспечила взаимное влияние русской и украинской советской и пролетарской литературы.

Когда была отброшена концепция о «первых храбрых», выдвинулась новая концепция — об «основателях», при чем опять - таки «основателями пролетарской литературы» называли тех, кто в то время принадлежал к мелкобуржуаз-

ной националистической партии боротьбистов — В. Чумака, Г. Михайличенка, В. Блакитного. Когда теория «основателей» обнаружила свою несостоятельность — появляется теория об «организаторах». В частности речь идет об Эллане - Блакитном, которого мы ценим очень высоко, которого мы считаем революционным поэтом, сыгравшим положительную роль в развитии украинской пролетарской литературы. Но он допустил ряд ошибок националистического и троцкистского характера и, как вчера говорил тов. Н. Н. Попов, он не был ни последовательным большевиком, ни последовательным пролетарским писателем.

Вообще же попытки изображать процесс зарождения и развития украинской пролетарской литературы, приписывая создание ее персонально кому бы то ни было, а не считать, что основателем была большевистская партия, — эти попытки исходят из стремлений отгородить украинскую пролетарскую литературу от русской пролетарской литературы. Вот о чем предупреждал нас тов. Сталин, предвидя это явление, заметив опасность по первым ее признакам, по первым выступлениям Хвылевого. Вот что писал т. Ста-

лин в своем письме к тов. Л. М. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У по поводу выступлений Хвылевого:

«Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение (за украинскую общественность и культуру — *И. К.*), возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения — против ленинизма». (Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос», М., 1934, стр. 173).

Вообще, товарищи, надо нашему литературоведению и критике внести ясность в освещение процесса зарождения и развития пролетарской литературы в УССР. В «Гарте» этот процесс только намечался. Иные формы приобрел он в ту эпоху, когда было написано это письмо тов. Сталина, когда были созданы подлинно пролетарские организации — ВУСПП и «Молодняк». Эти организации, возникшие в про-

цессе резкого размежевания классовых сил украинской литературы, в процессе борьбы против «Вапліте», шумскизма и хвылевизма, под руководством КП(б)У, во главе которой стоял Лазарь Моисеевич Каганович, — они были направлены на осуществление ленинской национальной политики, и именно за это так ненавидели ВУСПП ваплитовцы, стараясь даже отрицать право подлинно пролетарских писателей на место в литературе. Мы тут не раз с этой трибуны слышали признания, что ненависть шумскистов, хвылевистов, ваплитовцев, ярмарчан против ВУСПП'а была классовой ненавистью украинской буржуазии, ее агентов, против пролетарской литературы, как создания большевистской партии. Отсюда происходила и ненависть Скрыпника и его школки по адресу ВУСПП'а. Об этой школке надо кое-что упомянуть. ВУСПП не был свободен в своей работе от ошибок, он повторял некоторые ошибки РАПП'а, но большинство его ошибок падает как раз на тот период, когда произошла так называемая «консолидация сил» ИКП, Вуамлина и т. д. в рядах ВУСПП'а. Скрыпниковская школка, где были Гирчак,

Пример, Овчаров, Сухино - Хоменко, вступила в ВУСПП не с тем, чтоб работать вместе на пользу пролетарской литературы, а с целью взорвать его изнутри, направить ВУСПП на скрышниковские националистические пути. И мы видим, что хоть вреда они ВУСПП'у причинили немало, но достигнуть своего им не удалось, и основной вусповский актив, актив пролетарских писателей остался на неуклонных интернационалистических позициях. Этот актив определенную работу проделал и по части привлечения беспартийных писателей, неорганизованных писателей, к участию в создании пролетарской литературы — так называемых бывших «попутчиков». Хотя ВУСПП'у были свойственны некоторые ошибки РАПП'а, но неправильно механически отождествлять ВУСПП и РАПП. Мы полагаем, что многих ошибок РАПП'а ВУСПП все-таки не повторял, много имел в своей работе положительного в области организации советских писателей, привлечения их, чего в работе РАПП'а не было.

Итак, товарищи, мы после того, как партия еще больше, еще бдительнее сосредоточила внимание вокруг вопросов художественной литера-

туры, окружила нас своим вниманием и помощью пришли к нашему съезду, вооруженными и усилившимися, с немалыми творческими конкретными показателями. Наша литература, литература УССР, вступает в свое существование в пределах единого всесоюзного союза советских писателей, вступает с крепкой братской связью между украинской советской литературой и литературой всех народов СССР, с большей популяризацией, с большими конкретными достижениями, с обменом опытом между литературами разных республик, народов СССР. В этом отношении мы многим обязаны помощи, оказанной нам Всесоюзным оргкомитетом. Во всей нашей сложной работе Оргкомитет СССР приходил нам на помощь, и особенно должны мы с благодарностью отметить работу украинской комиссии Всесоюзного оргкомитета во главе с тов. Стецким. (А п л о д и с м е н т ы).

Мы с вами не можем не отметить этой большой работы, направленной на популяризацию лучших достижений украинской советской литературы во всем Союзе, на перевод лучших книг украинских авторов на русский язык.

Наконец, должен сказать, что среди лучших критических статей о советской украинской литературе значительное место занимают статьи - доклады тов. Ф. Гладкова, тов. А. Безыменского и других членов украинской комиссии Всесоюзного Оргкомитета.

Каковы, товарищи, те конкретные достижения творческого порядка с которыми ми пришли на съезд? Я не могу всех их подробно перечислить, не собираюсь давать тут творческий анализ состояния украинской советской литературы в целом, в частности — прозы, драматургии и поэзии, ибо у нас будут содоклады о прозе, поэзии и драматургии и, очевидно, содокладчики покажут и сегодняшнее лицо этих видов литературы в Советской Украине и перспективы их развития.

Первое, что отличает нашу прозу за последние годы, это то, что тематика ее стала гораздо актуальнее, что проза стала значительно активнее и быстрее отзываться на события текущей нашей жизни, социалистического строительства, классовой борьбы. При чем ведущая роль в определении тематики, так сказать, тематическое

новаторство, как новаторство идейное, принадлежит здесь писателям - коммунистам. Почему я упоминаю о них прежде всего? Потому, что считаю, что к ним должны быть наибольшие требования, именно потому, что писать лучше, чем раньше, давать произведения высшего качества, чем раньше, они обязаны в порядке осуществления директив и установок партии, в порядке выполнения директив XII съезда КП(б)У и XVII всесоюзного съезда компартии большевиков.

Тут и проблема перевоспитания человека, превращения вчерашних отбросов общества в сегодняшних создателей социализма, проблема, давно интересующая украинскую советскую литературу и не могущая не интересоваться ее, особенно, когда мы, подходя к бесклассовому социалистическому обществу, обязаны подумать о том людском материале, который это общество будет создавать. Отображение этой проблемы у нас есть в романе «Ранок» И. Микитенка.

Новые формы классовой борьбы на селе, новый этап колхозного строительства — тема очень и очень актуальная, особенно для Советской

Украины — отразились в произведении И. Кирilenка «Аванпости». Я мог бы назвать еще немало произведений на актуальную тематику, разных по своему уровню — временами высших, временами низших. Я просто не имею возможности все это называть и повторять, хотя бы потому, что, во - первых, не хочу допускать параллелизма с теми товарищами, которые будут давать обзор прозы, а во - вторых, некоторые из этих произведений упоминались и ранее. Меня больше интересуют процессы, происходящие у нас в литературе, чем перечисление имен и произведений. Один из самых интересных процессов — это перестройка беспартийного писателя, его идейный рост. Это заметно в произведениях, уже нашедших себе достаточную и довольно высокую оценку в критике и у нас, и за пределами Украины. Это можно сказать с произведении О. Копыленка «Народжується місто», о произведениях Г. Кочубы «Нові береги» і «Родючість», А. Головка «Мати», П. Панча «Право на смерть», Ю. Смолича «Сорок вісім годин». Творчество этих авторов интересует нас еще тем, что в них особенно ясно

заметен процесс идейного роста, выздоровления, если сравнить эти произведения с их предыдущими произведениями, написанными в те времена, когда существовали «Вапліте» или «Пролітфронт», когда разлагающее влияние этих организаций распространялось на немалое число писателей. Некоторые из названных мною товарищей принадлежали к этим организациям. Скажем, к примеру, произведение Копыленка «Народжується місто» является, бесспорно, победой хотя бы потому, что в нем правдиво показан процесс освобождения советской женщины, от мелкобуржуазного обывательского быта, элементы которого остались нам в наследство от капитализма. А тот же Копыленко несколько лет тому назад сорвался как раз на попытках показать этот же процесс в романе «Визволення». При чем он тогда взял героиней женщину - работницу, а теперь — интеллигентку. Следовательно, задача была теперь сложнее; и все - таки он теперь преодолел ее, а в первый раз провалился именно потому, что подходил тогда к этой проблеме с совсем иных установок, с другой точки зрения, с точки зрения, привитой

ему организацией, с которой он был тогда связан, организацией националистической.

Возьмем Г. Коцюбу, его «Нові береги» про Днепрогэс, его «Родючість» — проблема повышения урожайности. Вообще Коцюба — это писатель, который шел более или менее равномерно, но если сравнить его теперешние произведения с произведениями того времени, когда он находился в «Ваплите», с повестью «Змова масок», где он хотел показать преимущество нового над старым, но очень искаженно показал именно взаимоотношения между большевиками и петлюровцами, то разница не малая. У него в «Змові масок» вышло таким образом, что петлюровцы лично «не очень плохие люди», «честные люди» — просто так сложились обстоятельства, что их вожак, дескать, обманули. Тогда как тот же Коцюба в последних произведениях, в том же произведении «Нові береги» показал, как преобразуется психология людей, показал, как по-новому начинают работать единоличники, как они относятся к пониманию принципа социалистической собственности. Одновременно Коцюба, бесспорно, мобилизует классовую бди-

тельность, сосредоточивает на ней внимание в последнем произведении «Родючість», где он показывает, как нашего советского профессора враги стараются втянуть во вредительское логовище и как побеждает влияние на него партийно - комсомольского окружения.

Вот Ю. Смолич. Если сравнить его «Фальшиву Мельпомену», где он будто высмеивает двурушников, но делает это очень мягко с последним произведением «Сорок вісім годин», где, напротив, Смолич со всей решительностью сосредоточивает внимание опять - таки на классовой бдительности, направляет ненависть против классового врага, противопоставляет наше советское социалистическое строительство системе капиталистической эксплуатации и разложению в империалистических странах, — то это, бесспорно, не может не свидетельствовать о значительном процессе роста сравнительно с предыдущим, о том, что вся наша советская литература поднялась на высшую ступень. Это не может не свидетельствовать о тех важных и уже конкретных достижениях непосредственно в художественных произведениях, имеющих у нас

в результате осуществления постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, имеющих у нас в результате помощи, которую оказал Украине ЦК ВКП(б) и тов. Сталин.

Говоря о Панче и Головки, следует сказать, что их последние произведения бесспорно являются значительным вкладом в советскую литературу. А все-таки я не могу не обратить внимания на то, на что уже неоднократно указывала критика, а именно, что у Панчи в книге «Право на смерть» эволюция его героев не естественна, что немотивированные перебежки героя из лагеря в лагерь безусловно снижают идейную ценность произведения. Мы уверены, что в дальнейших своих произведениях и в новых изданиях этого произведения тов. Панч, всегда очень внимательно относившийся к голосу марксо-ленинской критики, обратит на это внимание. То же самое следует сказать и о тов. Головки, о его очень интересном и талантливом романе «Мати». Самый образ матери вызывает сомнение, напоминает символ «неньки - України», являющейся в одинаковой степени родной матерью и для рабочего, и для крестьянина, и для потен-

циального петлюровца. Надо надеяться, что в дальнейших частях этого романа будет сделано все, что должен сделать и что умеет сделать такой мастер, как Андрий Головка, для того, чтобы развенчать этот фальшивый образ, и таким образом повысить художественную и идейную ценность произведения.

Надо отметить, что и еврейские и русские писатели на Украине тоже дали за этот период значительно лучшие произведения, чем произведения этих же авторов до постановления ЦК от 23 апреля. Тут нельзя не отметить такого очень ценного произведения, как «Степь зовет» Ноте Лурье. Мы его теперь имеем возможность читать уже на украинском языке — и в отдельном издании, и в журнале «Радянська література» где он печатался. Заслуживает внимания такое произведение на русском языке, как «Фронт» Тардова — эпопея империалистической войны и борьба большевиков в условиях подполья. Можно было бы еще назвать ряд произведений и еврейских и русских писателей. Опять - таки говорю, — я предоставляю это докладчику о прозе.

Перехожу к драматургии, которая вообще у нас проявляла давно уже тенденцию к более значительному развитию, по сравнению с другими видами советской литературы. Драматургия у нас актуальнее и полноценнее откликнулась на проблемы социалистического строительства. Именно это и свидетельствует о том, что украинская советская литература развивалась теми путями, по которым направляла ее развитие партия. Ибо все мы помним, что наша партия большевиков, ее ЦК, тов. Сталин не раз за это время подчеркивали все значение драматургии, как самого массового, самого народного вида литературы, не раз требовали от нас самого внимательного отношения именно к драматургии.

Но не следует забывать, что как раз в области драматургии мы в течение предыдущего периода наблюдали также попытки националистического извращения партийной линии, факты явного влияния национализма. Яркими показателями этого является хотя бы большинство пьес Миколы Кулиша и театр «Березіль», когда им руководил Курбас, базировавшийся по су-

шеству на пьесах, которые давали ему материал для враждебной нам политики. Я думаю, что не мешает вспомнить о той борьбе, которую мы вели против Курбаса, когда еще не знали, что это вредитель и контрреволюционер, но когда мы видели, что его тенденции, его установки бесспорно националистичны, враждебны нам. Вспомните дискуссию, происходившую на театральном диспуте и на первом творческом совещании по драматургии, когда нам пришлось бороться против концепции Курбаса будто режиссер всегда должен преодолеть автора, бороться против нежелания со стороны Курбаса признать, что инициатором идейного лица спектакля является автор, против противопоставления Курбасом театра аудитории, против обязательного и возведенного в принцип антагонизма между театром и рабочей аудиторией. А теперь у нас происходят явления совсем противоположного порядка. Если тогда, во времена Курбаса, считалось признаком «хорошего тона» обязательно пренебрегать мнением пролетарской аудитории — плевать на ее мнение с высоты, так сказать, курбасовского националистического величия, то я мог бы привести при-

мер и иного порядка. На днях у меня был разговор с одним режиссером из Москвы, гастролировавшим тут, и одним украинским писателем о переработке соответственно требованиям рабочей аудитории пьесы украинского драматурга, шедшей в Москве. Могу сказать здесь, это был разговор со Смоличем и Кавериним. А в те времена, если пьеса перерабатывалась театром Курбаса, то исключительно для того, чтобы противопоставить ее идею требованиям пролетарской аудитории, перерабатывалась именно в духе националистических требований Курбаса. Мы помним, как он калечил пьесы Микитенка, Первомайского.

Я должен сказать, что в процессе борьбы за создание советской драматургии на Украине, собственно говоря, проявились две антагонистические тенденции, наиболее яркими представителями которых были, с одной стороны, тот же Кулиш, а с другой — Микитенко и группа советских пролетарских драматургов, стоявших приблизительно на одинаковой с ним позиции. Одна линия — линия Кулиша — противопоставляла себя пролетарскому интернационализму, про-

типоставляла себя коммунистической партий большевиков. Другая линия боролась за партийные позиции, боролась за пролетарский интернационализм. В борьбе с проявлениями национализма развивалась и крепла украинская советская драматургия.

Причем мы усматриваем здесь двоякий процесс именно за последнее время: рост молодых пролетарских кадров при одновременном, более решительном, чем до сих пор, переходе на социалистические позиции представителей старшего поколения писательской интеллигенции. Иллюстрацией этого процесса являются результаты всесоюзного конкурса пьес и премирование, с одной стороны, комсомольца О. Корнийчука за «Загибель ескадри», а с другой — старого драматурга И. Кочерги за пьесу «Часовщик и курица».

Но, конечно, не все проблемы, заслуживающие этого, нашли себе отражение и в произведениях прозы и в пьесах за последнее время. У нас нет еще репертуара для колхозного театра, если не считать нескольких новых пьес, тоже не очень совершенных, хотя и несколько лучших, чем предыдущие («Криголам» Мизюна). У нас нет

еще оборонного репертуара на Советской Украине. Не даром на это недавно обратило внимание всесоюзное совещание по вопросам оборонной литературы, где говорилось о том, что у нас нет произведений, которые показывали бы как следует нашу Красную армию или хотя бы подлинное лицо наших врагов. И действительно, когда мы имеем определенное обострение отношений с Японией, когда на Дальнем Востоке нам непосредственно угрожает опасность нападения империалистов на советские границы — что у нас есть такого, что противопоставляло бы положение у нас тому, что делается в лагере наших врагов? Разве только пьеса С. Левитиной «Эта» о Японии, и только... Вообще оборонного репертуара у нас нет и проза на оборонную тематику довольно бедна.

Можно назвать некоторые книги, как «Шурган» П. Капельгородского или книги Дубинского, у которого были и неудачные («Золотая липа») и более удачные произведения. Но настоящей оборонной литературы у нас еще нет.

Особенно, товарищи, неудовлетворительно обстоит дело с новыми пьесами для детского театра.

Товарищ Затонский в своем приветствии нам писал: «не забудьте о литературе для нашей смены, которая быстро подрастает». Вчера он тоже упрекал нас в своем устном приветствии за то, что мы мало заботимся о нашей смене. Мы должны со всей откровенностью признать, что хотя комиссия Оргкомитета по вопросам детской литературы за последнее время работала не плохо, но конкретных результатов этой работы у нас еще очень и очень немного. Детская литература у нас на низшем уровне, чем она должна быть. Еще хуже с репертуаром для детского театра. Здесь у нас нет ничего значительного, о чем мы могли бы говорить как о наших достижениях, как о нашей победе.

И в прозе, и в драматургии, и в поэзии основными недостатками, от которых нам следует решительно избавиться, является засоренность языка, схематичность сюжетного построения и неумение показать героя эпохи социалистического строительства.

Что касается последнего: многие авторы у нас страшно ограничивают свои способы характеристики героев, тогда как эти способы разнообраз-

разны и их немало. Могу назвать несколько таких способов: показ внешности героя, языка героя, который должен отличать его от других, показ общественного поведения героя, бытового его поведения. А у нас весьма часто автор останавливается на одной из этих составных частей, да и то не дает всего признака полностью, а только какие-то мелочи, какие-то детали, какую-то одну мелкую черту — и этим ограничивается. Чаще всего это касается языка, и особенно это заметно в драматургии. Вот несколько примеров. С давних пор принято применять для характеристики персонажа пьесы повторение им какого-нибудь одного выражения. В украинской драматургии это идет еще от Котляревского — вспомните «тее-то, як його» Возного в «Наталке-Полтавке». И так это и пошло гулять с того времени! Пьеса Миколюка — одесского писателя — «17» — это бесспорно, достижение по сравнению с другими его произведениями (хотя первая картина, когда встречаются интервентов в Одессе, между прочим, очень напоминает «Интервенцию» Славина). Но для того, чтобы характеризовать часового, рядового

деникинца, который совсем понимает, что происходит, а тупо исполняет приказ начальства, Миколук все время заставляет его повторять: «такой закон, такой закон». А наряду с этим, дама со щенком все время говорит «оригинально, оригинально».

Тем более следует указать на это тов. Миколуку, что этим слишком примитивным, дешевым, неубедительным приемом, суживающим возможность раскрыть характер героя, он злоупотребляет уже давно. И в предыдущих его пьесах каждый персонаж отличался от других тем, что у каждого было свое характерное выражение, свое словцо. (Микитенко: Как в «Интервенции» Славина — «дух разрушающий, дух созидающий»). Ну, это лозунг анархистов, которым злоупотребляет Филипп — «свободный анархист», по существу, просто бандит, и автор довольно удачно иронически подчеркивает его бандитскую сущность.

Если в известной картине пьесы «Бастилія божої матері» Микитенка дед Молибога кричит «гоп - па - па, гоп - па - па», то это не при всяких обстоятельствах, как у часового с дамой,

а только когда он остается наедине с невесткой, когда он может не бояться открыто проявить свою классовую сущность. Перед этим у него совсем иной языковой стиль, когда он выдает себя за набожного елейного старичка. Таким образом это «гоп - па - па» раскрывает его как тип. Это, бесспорно, положительная черта, при наличии иных немалых недостатков «Бастиліі».

Это касается не только драматургии. У того же Ноте Лурье в его романе «Степь зовет» (мы уже указывали, что это одно из лучших произведений, посвященных колхозному строительству) тоже чувствуется ограниченность в способах показа героя. Он ограничивает себя, выбирая один образ или один эпитет, долженствующий характеризовать человека, при чем явно злоупотребляет этим. Например, у него есть подкулачник Кобылец; сама уже фамилия должна характеризовать этого подкулачника (прием, тоже не очень свежий), но нет, надо, чтоб этот Кобылец еще и к женщине относился как к телке. На страницах 111 — 114 журнала «Радянська література» он четыре раза подряд называет девушку телкой, при чем сам не говорит ни слова по ее

адресу, он только упоминает ее, думая о ней в разных обстоятельствах. Ну, ясно, если он представляет себе женщину как телку, а фамилия его — Кобылец, то в нашем представлении он — бык. И действительно, мать три раза подряд и называет его «быком». Об этом можно сказать: «ударь раз, ударь два, но зачем же до бесчувствия?»

Или же отдельные приметы описания внешности героя — все ли они и всегда ли подлинно характеризуют его социальное, общественное лицо? У нас порой злоупотребляют этими «внешними приметами» и, рисуя героя, исходят из того «принципа», что «бог шельму метит». И поэтому, если кому-нибудь надо показать в виде шельмы отрицательный тип, то ему, кроме моральных недостатков и изъянов, приписывают и все физические недостатки и изъяны, какие только существуют на свете. Это еще терпимо, когда автор свободен и никто, кроме «господа бога», не может ограничивать его фантазию; но когда автор пользуется определенным конкретным, историческим материалом, то тут уже надо предъявлять более строгие требования,

ибо повременам это извращает и социальную суть, и взаимоотношения представителей данных социальных групп. Например, у С. Радугина есть книга «Два знамени» — из истории ХЭМЗ'а, завода им. Сталина. Автор, между прочим, выводит меньшевика Ив. Ив. Шибалова — настоящую историческую личность, которая была в Харькове. Вот каким выводит его Радугин:

«Впереди колоны ВЭК'а шел в длиннополом пальто до земли и круглой шляпе, казавшейся малой на его большую массивную голову, Иван Иванович Шибалов. Странно коротконогий и длиннокурий, с маленькими глазками под нависшими редкими бровями и с густыми усами в нижней выдающейся части лица, Шибалов уже одной своей внешностью не располагал к себе рабочих» («Два знамени», стр. 16).

Вместо того, чтобы показать, чем именно меньшевик может «не располагать» к себе рабочих, вместо того, чтобы вызвать к нему отращение именно как к меньшевику, автор сводит на то, что своей внешностью Шибалов не может «располагать» к себе рабочих: дескать, потому, что у него густые усы, длинные

руки и короткие ноги. А что произошло бы, если бы меньшевик был «писанным красавцем», а у большевика были короткие ноги и маленькие глаза? Что тогда осталось бы от «социальной характеристики»? Я считаю, что если вы используете исторические документы, тов. Радугин, то нет надобности снижать их значение и убедительность такой неубедительной аргументацией якобы «художественного порядка». Ибо дело не во внешности, необязательно для положительного героя быть «красавцем» — мы с вами, тов. Радугин, не красавцы, но не должны терять надежды, что рабочие смогут положительно отнестись и к нам, и к нашему творчеству. (Микитенко: Что за «самокритика»?). Вас эта самокритика не касается, о вас девушки нашей страны другого мнения. (Смех). Почему я останавливаюсь на этом? Потому, что не эти признаки типичны, это не те черты, которые должны характеризовать героя, обобщать его образ. Алексей Максимович Горький сказал в «Беседе с молодыми», что «если человек хочет написать рассказ о краеведе, который живет в Богородске, Московской гу-

бернии, то краеведа нужно написать так, чтобы он в общем был такой же, какой живет в Мурманске, Астрахани, Тамбове и в других местах».

Говоря о показе положительного героя нашей эпохи, я не хочу повторять того, что говорилось на последнем пленуме Всесоюзного оргкомитета, что говорил тов. Юдин, но скажу, что труднее всего дается советским писателям тип женщины — и положительной, и отрицательной. Чем это объяснить? Я считаю, что это надо объяснить наличием пережитков капитализма в сознании самих писателей, наличием пережитков капитализма в их отношении к женщине. Выходит так, что нельзя обыкновенную женщину вывести героиней, положительной или отрицательной. Недаром так своевременно об этом писал Горький в статье, напечатанной в «Большевике». Если выводят женщину в художественном произведении, то это либо какой-то «сверхчеловек», который всем верховодит, надо всеми должен быть «начальством», либо же, наоборот, такое чудовище, что оно ассоциируется с ведьмой. Это касается и самых лучших, самых выдающихся произведений советской литературы.

Не буду много перечислять, но скажу, что, очевидно, Оксана именно поэтому не удалась Корнийчуку. Если выводят положительную женщину, то как - то не представляют себе, что она может быть обыкновенной сотрудницей обыкновенного рядового бойца за социализм. Если тов. Микитенко лучше удались положительные типы «Дівчат нашої країни», так как он пробовал подойти к ним, как к рядовым молодым работницам - комсомолкам, то тип отрицательной женщины Лотоцкой не удался ему; слишком она демонична, слишком «необыкновенна» по сравнению с тем, что мы привыкли видеть в реальной жизни. А между тем, она могла быть обыкновенной контрреволюционеркой, а ваша Оксана, тов. Корнийчук, могла быть обыкновенной революционеркой, хорошей большевичкой, каких мы встречаем на каждом шагу в нашей борьбе, в нашей работе. Я считаю, что не удалось героиня Вечора и Первомайскому в его «Ваграмовій ночі», она тоже вышла какой - то «необыкновенной», «сверхъестественной» и, вследствие этого, неубедительной.

Когда говорят, что поэзия отстаёт от драма-

тургии и прозы, то в каком смысле мы это понимаем? Следует ли понимать, что поэзия вообще находится на низшем уровне, чем проза и драматургия? Очевидно, если сравнивать, то надо из чего-то исходить. Если исходить из того, в какой степени охватывается процесс социалистического строительства, какой вид литературы активнее и полнее откликается на его проблемы, то надо сказать, что поэзия действительно отстаёт, ибо в поэзии у нас ещё нет таких значительных произведений, как в других видах литературы — не по своим размерам, а по глубине охвата темы. Но, с другой стороны, считать, что теперешний уровень поэзии ниже предыдущего не приходится. Он, бесспорно, выше. Я не буду останавливаться на основных признаках его роста, известных по нашим творческим совещаниям, — об этом очевидно, будет говорить содокладчик. Хочу обратить внимание только на одно: что в украинской советской поэзии особенно быстро растёт молодежь. Мы с вами помним, как ярко и положительно проявила себя эта молодежь во время последнего творческого совещания по поэзии. На совещании по прозе мы ее

меньше ощущали, в прозе молодежь меньше проявила себя. Например, я знаю только одного молодого новеллиста, о котором уже можно говорить, как о товарище, проявляющем определенные тенденции роста, хотя он еще не освободился от довольно серьезных изъязов: я имею в виду М. Ковальчука.

Другое дело — в поэзии. Поэты, к которым мы привыкли относиться как к молодым, перестали уже быть «юношами» если исходить из места, занимаемого ими в поэзии. Я имею в виду Л. Первомайского и даже более молодых — целую плеяду донбассовцев, в частности Ю. Черкасского, харьковцев — И. Муратова и многих других. Однако есть определенная часть молодежи или бывшей молодежи, которая растет недостаточно быстро, останавливается в своем развитии и не умеет сделать надлежащих выводов из темпов своего роста, выводов об учебе, о повышении своего уровня и вместо этого пускается в групповщину.

Если раньше были споры, есть ли еще у нас групповщина или ее нет (при чем самые завзятые групповщики все время уверяли, что группов-

щиной занимаются не они, а Оргкомитет и его руководство), то теперь можно сослаться на некоторые доказанные факты. Тов. Шеремет, например, пишет:

Я, как и другие, кое-кто из бывших молодняковцев, долгое время носил в себе элементы групповщины, происходившие и от непонимания до конца постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., и отчасти от не всегда здоровой творческой атмосферы вокруг меня со стороны Оргкомитета — на что я всегда нервно и невыдержанно реагировал. Эта групповщина проявлялась и в форме нападков на работу Оргкомитета, она была и в моем политически вредном выступлении на совещании в ЦК ЛКСМУ. Но в результате упорной работы над собой, руководящих выступлений тт. Килерога и Андреева и в особенности комсомольского комитета, который ежедневно работал со мной, я еще раньше, чем Усенко, признал свои ошибки, неоднократно осуждал их и на сегодня со всей ответственностью заявляю, что остатки групповщины я окончательно преодолел, раскрыл и осудил до конца»...

Я цитирую именно этот документ потому, что тов. Шеремет особенно долго и упорно отрицал

что групповщина была, и что он имел к ней касательство, как это отрицали и тов. Гончаренко и тов. Пронь, и тов. Усенко, и другие. Некоторые из них старались оправдать свою «фронду» против Оргкомитета и его руководства тем, что, дескать, Оргкомитет проявлял «либерализм», притупление классовой бдительности, не замечал Вишни, Досвитного и т. д. Но как раз товарищи, занимавшиеся групповщиной, никогда в то время не выступали ни против Вишни, ни против Досвитного, ни против Ялового, ни против Хвылевого — никогда, ни разу. А когда они выступали против состава Оргкомитета, то с единственной мотивировкой, что в составе Оргкомитета нет того или иного товарища — в частности про себя: «почему меня нет в составе Оргкомитета?». Это и была вся их «принципиальная» позиция. К нам вполне относится то, что говорил в своей статье Алексей Максимович Горький:

«Нравы у нас, мягко говоря, плохие. Плоховатость их объясняется прежде всего тем, что все еще не изжиты настроения групповые, что литераторы делятся на «наших» и «не

наших», а это создает людей, которые сообразно дрянненьким выгодам своим служат «нашим» и «вашим».

Ведь и у нас бывало, что случайные, чуждые нам люди, не имевшие ничего общего с литературой, старались выскочить, создать себе карьеру, используя нездоровую атмосферу, создавшуюся вокруг Оргкомитета в результате групповщины. Может быть, слишком много чести говорить на нашем съезде о таких особах, но вспомните, товарищи, сколько «принципиальности» проявил такой «знаменитый», «всем известный», «гениальный писатель», как Гопта, когда он писал в заявлении Оргкомитету, что в Оргкомитете имеется групповщина, что «затирают молодых писателей» и т. д. А кончилось это тем, что в нашей кассе нехватает какой-то суммы. Это ни в каком случае не характеризует тех товарищей, которых я называл ранее, но это свидетельствует, как охотно всякие чуждые — скверные, вплоть до преступности — элементы цепляются за всякую оппозицию, за всякую «фронду» против тех, кто осуществляет линию партии.

Далее Горький говорит:

«Группочки создаются не по признакам «партийности» — «внепартийности», не по силе необходимости «творческих» разноречий, а из неприкрытого стремления честолюбцев играть роль «вождей». «Вождизм» — это болезнь, развиваясь из атрофии эмоций коллективизма, она выражается в гипертрофии «индивидуального начала». В то время, как «единоличие» быстро изживается в деревне, оно все более заметно в среде литераторов».

Именно та группа, о которой я говорил ранее, проявляла это неприкрытое стремление играть роль «вождей». Но не только они. Недавно на одном собрании мы были свидетелями того, как т. Гавриленко рассказывал о том, какое большое число писателей он «воспитал» и «ввел в литературу». Правда, мы еще не видели, с чем пришел в литературу сам Гавриленко. Мы еще не видели ни его, собственных художественных произведений, ни чего-либо заслуживающего большего или меньшего внимания от тех, кого он, по его словам, «воспитал», «выдвинул» в литературу. Надо было бы ему самому сначала воспитаться как писателю.

Надо серьезно подумать и над тем, что пишет Горький о «правах» среди определенной части

молодежи, о нездоровых элементах в быту. Алексей Максимович совершенно правильно говорит по этому поводу:

«Но ведь это было характерно для прошлого, для того разлада между средой и системой взглядов литераторов, который существовал до революции. Откуда же теперь происходят эти влияния?»

Оказывается, они и теперь живучи и отравляют часть нашей молодежи».

Да, товарищи, есть еще такие явления и у нас, здесь, в Советской Украине, как остаток влияний тех анархо - богемных, буржуазных, националистических элементов, которые пробирались в наши ряды. Обратите хотя бы внимание на те элементы поведения и быта, которые проявляются иногда со стороны тех младших товарищей, которых в свое время воспитал «Пролитфронт». Об одном из таких фактов было оглашено в постановлении писательского комсомольского комитета в «Комсомольце Украины» и «Литературной газете». Харьковцы помнят этот случай в ресторане Хаторга, где группа молодых писателей вела себя так, как учили их ве-

сти себя Яловый, Хвылевый, Остап Вишня, стремившиеся привить нашей молодежи концепцию: если ты не будешь пьянствовать — ты не гений, если ты не будешь хулиганить — из тебя никогда не выйдет писатель и т. п. Откуда у них были эти традиции? Хвылевые Яловые, Вишни, Досвитние чувствовали свой разлад с современностью, с нашим пролетарским окружением. Вот почему пьянствовал Вишня, вот почему пьянствовал Хвылевый, вот почему они хулиганили. А молодежь, в том числе заводская, попадавшая под это влияние, в частности — группа из ХПЗ, считала это «признаком гениальности» и подражала этому. Мы до сих пор боролись с этими явлениями, будем бороться и далее, и можем считать своей заслугой, что большинство молодых товарищей, находившихся под влиянием «Пролітфронта» на ХПЗ, мы от этого влияния избавили, освободили.

Товарищи, возвращаясь к поэзии, хочу обратить внимание на ее основные недостатки. В нескольких словах — это формализм, формалистическое экспериментаторство, риторичность, декларативность ее.

Когда тов. Н. Тихонов на поэтическом совещании в Москве говорил, что «эксперимент таит в себе катастрофу», то здесь было некоторое преувеличение. Эксперимент, как один из учебно-студийных приемов, мы признаем и допускаем. Но эксперимент, возведенный в принцип, экспериментаторство, превращающееся в эксперимент ради эксперимента, — бесспорно приводит к тому, что творчество писателя утрачивает свою идейную выразительность или начинает служить для маскировки не нашей идеологии, как это по большей части с формалистами на Украине и бывало. Серьезная творческая художественная работа исключается, если эксперимент возводится в принцип. Вот почему здесь неизбежны, если не всегда катастрофа, то всегда срыв — и творческий, и идейный. Очевидно, докладчик по поэзии подробнее остановится на примерах риторичности и декларативности, в особенности, в песнях. Я противник того, чтоб поэты писали исключительно песни. Я — за разнообразие и богатство жанров. Теория о том, что пролетарский поэт обязательно должен начинать с песни или переходить на песню — неправильна. Разве

это характеризует его как пролетарского поэта, его ценность для общества? Надо, конечно, чтоб поэты писали и песни, песня нужна, но надо, чтоб писали и большие поэмы, и романы в стихах. Я против ограничения одним жанром. Все дело в том, хорошо ли они пишут или плохо. Я припоминаю то, что Маркс сказал в письме Лассалю: «Раз ты уже писал стихами, то мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно». Абсолютно не важно, писать ли ямбом или не ямбом, можно и октавою неплохо написать. Например, Демьян Бедный пишет октавою неплохие вещи. Поэтому я против ограничений в творческих, в частности стихотворных, приемах. Нарочитое культивирование архаических форм вредно. Оно свидетельствует о консервативности автора. Точно также вредно культивирование анархических форм. Возвращаюсь к песне. У нас не так уж мало написано песен, как кое-кому кажется. Написано песен много, а поют их мало. Значит, очевидно, все дело в том, чтоб это были хорошие песни, не просто стихотворения на тему о песне, каких написано множество и в русской и в украинской литературе. Моло-

дой поэт не будет себя уважать, если он не напишет, что он думает о своей песне: тут и разговоры с песней, переклики с песней, песня про песню и т. п. А. Коопштейн дошел до того, что написал разговор с песней... по телефону! Все это фокусничество, вся эта декларативность, риторичность, разговоры о том, что хочет сделать поэт, что он когда-нибудь скажет и т. п. — отнюдь не соответствуют требованиям социалистического реализма, не делают нашей литературы, нашего творчества активнее, действенней.

«Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически — конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма».

Чтобы покончить с поэзией, я должен сказать кое-что о мастерах старшего поколения. Начнем с П. Тычины. Он один из самых выдающихся

у нас мастеров слова, образа, версификации. Мы замечаем бесспорные достижения в тематике произведений Тычины. Все мы знаем произведение Тычины «Партія веде». Для всех нас ясно, что именно партия нас ведет, но дело в том, чтобы художественно и убедительно изобразить, отразить это в своем творчестве. Когда - то Тычина не так писал, когда - то он писал, что «за повстанцями ідуть, співають комуністи». Повстанцы, дескать, идут впереди, а уж за ними идут коммунисты. А теперь он показал и подчеркнул, что партия идет впереди. Это, бесспорно, победа Тычины над своими бывшими ошибками. Это победа советской литературы в целом.

Равным образом я считаю такой победой новую тематику у М. Рыльского. Что общего между этими двумя мастерами? То, что, наряду с новой тематикой, идеями, у них иногда еще замечается неуверенность в выборе художественных средств для выражения этих новых для них идей. Я не буду приводить примеров, их приведет докладчик по поэзии. Но вы помните, как на совещании по поэзии М. Рыльский, прочитав ряд своих стихотворений, обратился к нам с во-

просом, желая получить совет — можно ли ему пользоваться средствами символизма для отображения нашей социалистической эпохи. Это свидетельствует о растерянности в выборе соответственных художественных средств для новой тематики и идеологии.

Здесь нельзя не упомянуть о тех эволюциях, которые переживает М. Бажан — медленнее, сравнительно с другими, менее решительными шагами отрывающийся от тех националистических источников, которыми питались корни его творчества. Бажан долго культивировал раздвоенность, гамлетизм. И вот сейчас его произведение, печатающееся в № 6 журнала «Радянська література» свидетельствует о том, что он уже несколько решительнее начал перестраиваться, переходить на новые позиции, чем он это делал раньше. Язык его уже стоит ближе к нам, в нем меньше националистических элементов; я сказал бы — меньше абстрактной изысканности. Конкретнее, яснее сказано о его симпатиях к коммунизму.

И все-таки в этом произведении (я считаю это характерным для некоторых товарищей, перехо-

дящих на новые позиции), Бажан берет обстоятельства настолько далекие, обстоятельства, которые нам еще так трудно конкретно представить себе, что ясно ощущается причина этого: автор еще недостаточно уверенно чувствует себя в конкретных обстоятельствах нашей современности, сегодняшнего нашего дня.

Очень вяло перестраиваются бывшие футуристы, «ново - генерацийцы». Например, М. Семенко. Мы слышали его выступления, в которых он защищал вульгарность, нарочитую неуклюжесть, публицистичность формы и языка и своих собственных произведений и вместе с этим произведений других авторов.

Наряду с этим в русской, в еврейской советской поэзии мы наблюдаем определенное значительное развитие, в еврейской даже более значительное по своим темпам, чем в поэзии других народов СССР. Там этот процесс получает несколько иные формы. Скажем, И. Фефер остается на тех же ведущих позициях, как и ранее, и ряд товарищей, условно выражаясь, «старшего поколения», с достаточным литературным стажем, не уступают своих мест молодежи. Здесь

и Х. Гильдин, и беспартийные товарищи — Д. Гофштейн, Хана Левина, Л. Квитко. Молодежь в еврейской поэзии растет медленнее. В русской поэзии, наряду с Я. Городским, впереди идут донбассовцы, опять - таки молодежь.

Поучительные выводы можно сделать, если сравнить две группы поэтической молодежи, более передовую и отставшую в своем развитии — если сравнить уровень начинающих, кружковцев в разных областях, например, с одной стороны, в Донбассе, где очень хорошо развивается массовая работа в кружках, на Черниговщине — и, примерно, в Одессе. Небольшая Черниговская область могла бы действительно служить образцом организационной работы среди молодых писателей для многих других областей. Здесь — заслуга наших товарищей, которые по поручению Оргкомитета там работали. С другой стороны, в Одессе у нас очень медленно идет процесс роста украинской литературной молодежи, и, напротив, быстрее растут молодые еврейские писатели в Одессе, чем в Харькове. Сравнение, как нельзя яснее, доказывает нам, что рост молодых кадров — это не стихийный

процесс, а результат обучения, результат воспитательных мер со стороны Оргкомитета. Надо сказать, что до сих пор профсоюзы у нас в области организации массового литературного движения абсолютно ничего не сделали. И если раньше считалось, что Оргкомитет может заниматься всем, чем угодно, (доходило до того, что ему поручали писать «руководство для постоянного милиционера»), то теперь, когда будет единый союз советских писателей, у которого будут свои стажеры, все это отнюдь нельзя будет подбрасывать ему. Это сразу же ставит вопрос об активизации профсоюзов в организации массового литературного движения и об индивидуальном воспитании молодых писателей. Новосозданный союз советских писателей должен будет серьезно поставить этот вопрос. Воспитание молодых кадров наряду с кружками и студиями, по моему мнению, будет идти также и путем индивидуального прикрепления к более квалифицированным писателям — обязательно добровольного. Это вполне понятно, мы не будем навязывать такого - то молодого товарища такому - то квалифицированному писателю. Но

наш союз должен вмешиваться в этот процесс решительнее, чем мы это делали до сих пор. Мы не можем оставаться безучастными, когда видим, что писатель портит молодежь, калечит ее, как это было на ХПЗ, или когда эта молодежь идет в своем обучении неверным путем, дерзко уверяя, будто ей нечему учиться у современников.

Но учеба и у классиков, и у современников — это процесс, требующий осторожного подхода, внимательного руководства и со стороны союза писателей, и со стороны литкомиссии Вуамлина, ИКП, Института им. Шевченка. И надо будет нам со всеми этими организациями суметь связаться, соединить свою работу. Тем более, что XII съезд КП(б)У и XVII съезд ВКП(б) решительно поставили в центре внимания всей партии, всей страны проблему качества работы и продукции, и эта проблема стала в центре внимания всего актива советской литературы.

Выступления тов. Горького, требования касательно повышения качества в отношении специфики литературно - художественного процесса поставили во весь рост вопрос лите-

ратурной учебы, а мы все, конечно, убедились, что теперешний уровень советской художественной литературы при всех ее достижениях далеко еще недостаточен. Литература все еще отстает от других областей соцстроительства, и есть еще немало участков литературы, требующих к себе значительно большего внимания, чем это было до сих пор, так как на них мы особенно отстали. Например, история фабрик и заводов. Правда, мы сделали некоторый шаг вперед в этом вопросе, мы конкретно подошли к обсуждению отдельных глав из истории фабрик и заводов на заседаниях и совещаниях, но всего этого далеко недостаточно. История гражданской войны: тут абсолютно ничего не сделано, мы только начинаем думать об этом. Художественная история комсомола. Сколько мы давали обещаний, а 15 - тилетие ЛКСМУ не за горами, и нас спросят, что же мы сделали по части выполнения этих обязательств — и нам придется краснеть. Вообще мы еще далеко не исполнили тех обязанностей относительно комсомола, которые вытекали из речи тов. Косарева. То же самое и с детской литературой, о которой

нам еще не раз придется говорить, с работой для кино.

Не увлекаться, разумеется, теперешними достижениями, не зазнаваться нам следует, а как можно глубже развить самокритику и учебу, борьбу за повышение идейного и художественного качества наших произведений. Таков был общий тон и основные выводы тех творческих совещаний Оргкомитета, которые мы провели, начиная перестраивать нашу работу соответственно задачам, поставленным XII и XVII съездами партии.

Творческие задачи, вытекающие из этих наших совещаний, из требований нашей эпохи, действительности, из требований социалистического реализма, воплощения его как нашего основного творческого метода, — они, конечно, общие и для украинской, и для русской, и для всех советских литератур СССР. Среди целого ряда проблем, возникших за последнее время, особенно значительное место занимают проблемы языка, темы и сюжета, о которых нам снова и снова напоминает А. М. Горький.

Я могу здесь только в нескольких словах оста-

новиться на этих проблемах, точнее — на одной из них. Вопросы языка художественной литературы на Украине стоят особенно остро, так как язык за последние годы был объектом особенно напряженной классовой борьбы, объектом вредительства шовинистов и двурушников. Мы все помним языковую политику Скрыпника. Я думаю, что теперь мне уж нет надобности подробнее на ней останавливаться, ибо каждый должен понимать, что культивирование архаической и националистической терминологии служит определенным проявлением борьбы враждебных элементов против партии и советской власти. Формалистическое экспериментаторство в этой области, как и в других, по большей части, играет служебную роль маскировки враждебного нам содержания, идеологии. Но когда мы подходим к проблеме создания нашего литературно - художественного языка, мы натываемся на некоторые вопросы, которые некоторым из нас еще кажутся спорными.

Вот, товарищи, используя языковые приобретения классической украинской литературы, мы должны определить, у каких классиков нам пре-

жде всего следует учиться работе над словом. Я считаю, что для нас в этом отношении особенно ценно наследие Тараса Шевченка. Надо решительно отбросить обывательскую болтовню русотяпского порядка, что, дескать, «Шевченковский язык они понимают, а современного украинского они не понимают», а с другой стороны — пренебрежительное отношение к Шевченке. — «ну, какой же у Шевченка был словарь», — все это не нашего происхождения.

Я считаю, что Шевченко сыграл в создании украинского литературного языка не меньшую роль, чем Пушкин в создании русского литературного языка, возможно, что и большую. Но, черпая немало из его словаря, из его принципов словообразования, ограничиваться только шевченковским словарем мы не можем. В основу развития украинского литературного языка мы кладем все богатство языкового материала, созданного миллионами рабочих и крестьян в процессе борьбы за диктатуру пролетариата, в процессе построения социализма. Оказывая и в дальнейшем отпор всем попыткам архаизировать язык украинской литературы, лишить его

интернациональных терминов или попыткам противопоставлять его русскому языку, — мы отбрасываем всякое упрощенчество, вульгаризаторство, нарочитую публицистичность. Мы боремся за простоту, ясность и популярность языка художественной литературы, без утраты его художественности.

И эти и другие производственные проблемы, стоящие перед художественной литературой СССР на этом съезде, которые подробнее формулируют мои содокладчики — снова говорю — по большей части общие для всех советских литератур СССР. Мы, решая их, будем и в дальнейшем усиливать братскую связь с литературами других республик и народов СССР, обмениваться опытом, обогащая друг друга, напрягать свои усилия в борьбе против остатков враждебных классов, против пережитков капитализма в литературном творчестве.

На съезд украинская советская литература приходит с уже созданным союзом советских писателей. Мы избавились, хотя далеко еще не полностью, от двурушнических, враждебных элементов, пролезших было в писательские ряды.

Мы избавляем новосозданный союз от случайных элементов, от так называемых «около-литературных» людей. Это облегчит союзу возможность преодолеть отрицательные тенденции, имевшиеся в предыдущих литературных организациях, тенденции, имевшиеся и в Оргкомитете, т. е. излишнюю суетню, парадность, злоупотребление заседаниями и т. п., в результате чего мы иногда забывали, что Оргкомитет — это производственная творческая организация, хотя партия не раз напоминала нам об этом.

Наш союз должен так построить свою работу, чтобы помогать писателям творчески и идейно совершенствоваться.

Какой надо иметь аппарат? Как можно меньший; как можно меньше заседаний; как можно более строгие требования в отношении качества творчества, безо всяких скидок на происхождение или старые заслуги, которые можно принимать во внимание в других областях, но которые не характеризуют для писателя уровня его художественного творчества. Мы будем и далее развивать творческую дискуссию, но так, чтобы она нас не захлестывала и не превращалась в

самоцель. Нам надо обеспечить влияние марксо - ленинской критики в процессе изготовления произведения, а не только после выхода его в печати. Надо будет втянуть в орбиту нашей деятельности, под влияние нашего союза, тех, кого еще не втянули в союз, прежде всего — стажеров, молодых писателей.

Надо заботиться о повышении качества и актуализации марксо - ленинской критики, которая еще отстает от уровня художественной литературы, как отстает и литературоведение. Тут надо присоединиться к тому, что было написано на - днях в статье газеты «Комуніст».

Под знаком громадного творческого подъема, под знаком победы генеральной линии партии, ленинской национальной политики, под знаком усиления интернациональных связей с литературой всех народов СССР начинает свою работу этот наш первый всеукраинский съезд советских писателей. Дальнейший путь советской украинской литературы — это будет путь новых побед, обеспеченных руководством большевистской партии, гением Ленина — Сталина, путь создания коммунистической куль-

туры, той культуры, о которой Энгельс сказал, что то, что создано за всю предыдущую историю в области науки, искусства, культуры, будет казаться только жалкой тенью по сравнению с тем, на что способно будет человечество, освобожденное от капиталистического рабства, освобожденное от непроизводительной затраты труда. И к этому освобожденному человечеству, к коммунистическому строю, к его свободному творчеству мы идем. Это будущее принадлежит нам, как его предшественникам, как его творцам. (Громкие продолжительные аплодисменты).

Издание № 130. Уполн. Главлита
№ 3655. 5/VII 1934 г. Передано
в набор 4/VII 1934 г. Подписано к
печати 4/IX 1934 г. Зак. № 3570.
4 л. 62 x 94¹/₃₂. Тир. 4600. Харьков,
книжная ф-ка ДВРШ
им. Г. И. Петровского

[illegible]

3127 PA
У

Цена 60 коп.

Зр. 75к
(1986)

И. Ю. КУЛИК

ДОКЛАД НА ПЕРВОМ
ВСЕУКРАИНСКОМ СЪЕЗДЕ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

21